

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ОСТРОВА И
КАПИТАНЫ:
НАСЛЕДНИКИ

Острова и капитаны

Владислав Крапивин

Острова и капитаны: Наследники

«Автор»

2008

Крапивин В. П.

Острова и капитаны: Наследники / В. П. Крапивин — «Автор»,
2008 — (Острова и капитаны)

ISBN 978-5-699-31730-1

Заключительная часть трилогии «Острова и капитаны». Теперь в центре повествования эгоистичный трудный подросток Егор Петров. Но ему ещё предстоит изменить свои представления о смысле жизни, о справедливости, о долге... А ещё для него, как и для Гая, Толика или Курганова, запах моря и плеск волн о борт корабля приобретут особый смысл.

ISBN 978-5-699-31730-1

© Крапивин В. П., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Первая часть. Кассета	5
Утро восьмиклассника Петрова	5
Эвакуатор	19
Планета Находка	27
Личное дело	36
Визиты	43
Вечерняя электричка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владислав Крапивин

Острова и Капитаны

Книга третья

Наследники (Путь в архипелаге)

Первая часть. Кассета

Утро восьмиклассника Петрова

Егор Петров, дома именуемый Гориком, в классе – Гошкой или Петенькой, а в компании Больничного сада наделенный кличкой Кошак, поднялся на второй этаж и сел на подоконник. В коридоре было тихо. Шли уроки.

Напротив окна белела дверь с табличкой: «2-й кл. „Б“». За дверью слышались бубнящие голоса, они иногда прерывались гневными возгласами и резкими щелчками – очевидно, указкой по столу. Очередной возглас прозвучал громче остальных, а через три секунды дверь с маху открылась и вылетел тощий рыжеватый второклассник, направленный наружу, видимо, умелой и решительной рукой.

Глаза встрепанного мальчишки влажно и сердито блестели. Сделав по инерции несколько шагов, он остановился и скачком вернулся к двери. В сердцах стукнул по ней пяткой. И лишь тогда глянул на Егора – с вызовом, не стесняясь злых слезинок. Видимо, это был характер. Егор даже ощутил к нему что-то вроде легкого интереса и сочувствия. Снисходительно сказал:

– Закурить есть?

Второклассник прошелся по Егору ошестиненными глазами.

– Ты что, офонарел? Большой, а дурак.

Кажется, это был не просто характер, а дважды характер. Но именно поэтому Егор потерял к нему интерес и сочувствие.

– Брысь.

– Сам брысь, – огрызнулся пацаненок и пошел в конец коридора, к туалету – ненадежному, но привычному приюту всех «классных изгнанников».

Стукнутая мальчишкиной пяткой, дверь захлопнулась, но от удара тут же отошла. Из-за нее неслось:

– Хватит подсказывать и шушукаться!.. Хватит! Или кто-то хочет следом за Стрельцовым? Продолжаем! Кто ответит, почему поэт... Ямщиков, перестань клевать носом! Стукнешься им о парту, опять кровь пойдет и кто-то окажется виноват... Кто скажет, почему поэт называет в своих стихах осень золотой?..

Егор косо зевнул и стал смотреть сквозь стекло. Поэты называют осень золотой от безделья или от своей поэтической придури. А на самом деле осенние листья просто корчатся и сыплются на слякотный асфальт серыми комками. Вот как сейчас с тополей. И на душе соответственно...

Жить бывает хорошо, если впереди светит что-то приятное. А что в ближайшие сутки могло светить Егору Петрову? Горик? Гошке-Петеньке? Кошаку?

Компания в «таверне» соберется не раньше понедельника. Курбаши исчез на несколько дней, сказал «по служебной надобности». Подвал запер, под замком укрепил написанную Валетом табличку: «Аварийное помещение. Вход воспрещен. Штраф 15 руб. Администрация

ЖКО». Ключ забрал с собой. Недовольным объяснил: «Во избежание непредвиденных осложнений с общественностью. Все. Захлопнули роты, джигиты».

Оно конечно, культурный человек скучать и в одиночестве не должен. Одних только книг цивилизованное человечество накопило столько, что на тысячу жизней хватит. Родители Егора накопили их тоже немало. И, были времена, Горика не могли от книжек за уши оттянуть. Но тот наивный период культурного развития кончился, когда созрела ясная мысль: все герои книг – и придуманные, и те, кто были на самом деле, – к нему, к Егору Петрову, никакого отношения не имеют. Найдёт д'Артаньян королевские подвески или они останутся у миледи – не один ли фиг? Отыщет капитан Григорьев экспедицию капитана Татаринова или та навечно сгинет в неизвестности – что изменится в жизни Гошки-Петеньки, Кошака?.. Нельзя сказать, что мысль была приятная. Сначала она даже как-то обескуражила, потому что любить книжки Горик привык. Но какой смысл тратить время и нервы на чтение рассказов о чужих делах, если твои собственные от этого никак не меняются? Презирать книги Егор не стал, он сохранил к ним что-то вроде снисходительной почтительности, но вкус к чтению потерял.

Некоторое время, правда, держался ещё интерес к детективам. Но, во-первых, все истории про преступников и следователей были похожи, а во-вторых, скоро Егору стало ясно, что он сочувствует не тем, *кто* ищет, а тем, *кого* ищут. А это было грустно – те, вторые, в книжках всегда попадались.

От книг мысли Егора перескочили на кино. С кино – проще. Тебе показывают – ты смотри. Надоело смотреть – закрой глаза и думай о своем... Но сейчас в кинотеатрах будто спятили: в «Луче» – индийская тягомотина «Любовь и закон», в других – «День любви», «Люби, люби, но головы не теряй», «О странностях любви», «И жизнь, и слезы, и любовь», «Еще раз про любовь», «Жених и невеста»...

В программе ТВ тоже сплошная мура...

И остается после школы одно: валяться кверху пузом на тахте («Горик, зачем ты лежишь в школьной форме, надень спортивный костюмчик») и щелкать кнопками плэйера.

Мысли о плэйере, конечно, греют душу. Ничего не скажешь, папочка не поскупился, отвалил валюту за карманный стереомаг знаменитой фирмы «Сони». Вся машинка – величиной с портсигар. Два выносных динамика – каждый размером со спичечный коробок. А еще – гибкая дужка с крошечными наушниками. Кнопки, микролампочки сигналов, сетчатые головки микрофонов по углам серебристого футляра (они похожи на выпуклые глаза большой мухи). Не магнитофон, а прибор с корабля космических пришельцев. В «таверне» как увидели – губы развесили. Даже Курбаши не скрыл почтения к заграничной вещице. Уважительно покачал плэйер на ладони, а остальным сказал:

– Никому не лапать, пальчики отдавлю.

Потом обратился к Егору:

– Ай, Кошачок, наградил тебя родитель, хороший человек. С чего это он?

– Говорит, к четырнадцатилетию...

– Мы же твои именины вроде бы летом отмечали.

– Его тогда не было. А сейчас вернулся из Австрии, там японской техники навалом. Вот и привез...

– Давние грехи замаливает, что ли? – хмыкнул Валет.

Егор промолчал. Охота вспоминать? Курбаши – он понимающий мужик – посмотрел на Валета: язычок, мол... Валет усох. Но тут же, чтобы показать независимость, заметил небрежно:

– А почему эта фиговина именуется плэйером? Плэйер – это ведь игрушка только для прокручивания. А здесь и микрофоны для записи...

– Кто их, японцев, знает... – хмыкнул Егор. – Им виднее. Видишь, написано...

Под значком фирмы «Сони» чернела аккуратная надпись: «PLAYER».

– Все у них не как у людей, – зевнул Копчик, но глаза у него были завидующие. Егор тонко улыбнулся.

– Да, умеют сволочи делать вещи на загнивающем Западе, – вздохнул Курбаши. – А точнее, на Востоке... – Надел мини-телефоны, послушал. – Ай какое звучание. Рахат-лукум...

Звучание и правда было прекрасное. Особенно с наушниками. Закроешь глаза – и будто оркестр живой вот тут, в твоей комнате... Но беда в том, что это интересно лишь поначалу. И если ты не один. А когда слушаешь просто так, сам с собой, интереса хватает на двадцать минут. Потому что, если говорить совсем-совсем честно, Егор в этой музыке ни бум-бум. Все эти «Стайеры», «Чингизханы», «Бони-М», «Черные лимузины», «Кенгуру», от которых компания балдеет, жмурится, причмокивает и подергивается, кажутся Кошаку одинаковым дребезжаньем, монотонным буханьем и воплями на иностранных языках (холера их знает, о чем поют!). Но ведь никому не скажешь такое! И Кошак жмурится, подергивается и двигает локтями так же, как остальные. Это ничего, даже весело. Одно слово – ритм. И может быть, Егор со временем разберется, вникнет поглубже в музыкальное искусство. А пока главное – не выглядеть дураком среди знатоков.

Знатоки эти душу готовы продать за новые записи. Копчик раздобыл у кого-то на стороне японскую кассету с «Викингami» и принес свою расхлябанную «Весну». Перепиши, говорит, с плэйера на мой ящик.

– Со стерео на моно? – хмыкнул Егор.

– Ну, хоть что-то, да получится. Постарайся.

Копчик смотрел просительно, даже подхалимски.

Егор поставил условие:

– Мотор дашь погонять? У тебя, говорят, новый...

– На воскресенье бери хоть на целый день. А до выходного – забито.

Мысли о мопедке немного развеяли скуку. Мотор на весь день – совсем неплохо. Но это лишь через три дня. А до того что? Эх, были бы свои колеса с движком...

– Даже пятиклассники по улицам гоняют – и то ничего! А мне нельзя почему-то! – не раз скандалил дома Егор.

– Пусть гоняют, если у них матери такие! А я не могу своими руками сына отправить в могилу! Ты у нас с отцом один!

– Я виноват, что ли, что один? – вскипел однажды Егор. – Думать надо было!

Мать, к его удивлению, не стала кричать, ронять слезы и упрекать в хамстве и неблагодарности. Наоборот, как-то странно успокоилась и объяснила, что, когда рожала его, Егора, врачи с ней и с ним намаялись и несколько лет подряд утверждали, что второго ребенка нельзя, несмотря на то, что отцу хотелось. А теперь, на старости лет, что об этом говорить.

Егор буркнул, что никакой «старости лет» нет, просто хлопот не хочется.

– А тебе хлопот хочется? С малышом нянчиться стал бы?

– А у меня таланту нет, – огрызнулся Егор, потому что вспомнил недавний разговор с режиссером Александревским.

Было это прошлой осенью. Режиссер с помощницами пришел в школу. Здесь ничего удивительного – школа-то вся из себя передовая, показательная и самая-самая. То и дело всякие «встречи с интересными людьми». Но режиссер пришел не выступать, а искать исполнителя для своего кино. Мальчишку-семиклассника. И его помощницы тут же «кинули глаз» на Гошку Петрова: «Ах, какой мальчик! Мальчик, хочешь сниматься?»

А чего? Если глянуть со стороны, для кино он в самый раз. Красавец не красавец, но недаром «Петенька». Локоны и улыбка – со знаком качества, это видно всем.

Неделю Егор торчал на студии, даже с уроков отпускали. И все шло хорошо. Перед камерой он не терялся, двигался бойко, фразы говорил выразительно. И лишь когда стали репетировать сцену с велосипедом, Александревский начал морщиться. В этой сцене главный герой

притаскивает братишку-третьеклассника, который загремел с велосипеда, погнул руль, повывивал спицы из колеса. И вот покореженный велосипед (причем чужой, не братьев) – в одном конце комнаты, ревуший сопливый пацан с ободранным локтем и шишкой на лбу – в другом, а Егор должен метаться между ними – и ругаться, и брата жалеть...

Что-то режиссеру не нравилось: все «стоп» да «стоп»! Все у Егора не так! А при чем здесь он, если этот хлипкий и вареный «братец» сам ничего не может, даже слов не помнит как следует. Егор Александревскому так и сказал. А тот вдруг спросил:

– Слушай, неужели тебе его ничуть не жаль?

Егор удивился. Александревский пожал плечами и объявил перерыв до завтра. А назавтра – все то же, «братец вздрагивал, лопотал что-то невнятное. И в антракте Егор с досады дал ему леща. Легонько так, тот лишь заморгал. Но Александревский, оказавшийся рядом, вдруг сказал незнакомым голосом:

– Вот что, молодой человек, гуляй-ка домой.

– Почему? – изумился (и обиделся, и разозлился) Егор.

– Потому. Ты никогда не сможешь быть братом.

– Но это же...

– Все. Гуляй, – со вздохом повторил режиссер. – Единственное дитя...

Мама хотела пойти на студию, жаловаться на Александревского. Егор заорал, чтобы не смела. Отец сказал:

– А ты что думала? Что он в народные артисты выбьется? Пускай о нормальной профессии думает.

«Таверна» добродушно побалагурила по поводу провалившейся кинокарьеры Кошака, и дело вскоре забылось.

А сейчас вот здесь, на подоконнике, почему-то вспомнилось. Видимо, от нечего делать. Когда сидишь так, не зная, куда себя девать, в голову лезет чепуха. Все больше невеселая.

Егор глянул на часы. С начала урока прошло тридцать минут. Значит, еще пятнадцать, а потом перемена, а потом еще целый урок. Потому что физра в расписании сдвоенная. И он пожалел: зачем старался, чтобы поперли с физкультуры?

Добился он этого просто. Сперва физрукша Валентина Николаевна с мужским прозвищем Коленвал велела всем, «кто явился на урок опять без формы, сидеть у стенки и не возникать». («А потом я напишу докладную директору».) Егор сел с послушным видом. А во время разминки, когда народ бегал по кругу, сунул ступню под ноги грузной Вальке Титаренко. Титаниха на пузе поехала по половицам, как мешок с колбасой, и, конечно, завывала. Светка Бутанкова запыхала своим активистским гневом:

– Ох и скотина ты, Петенька!

Егор потребовал объяснений: в чем он виноват и почему она, комсомольско-пионерская и прочая командирша, позволяет себе так обзывать представителя несоюзной молодежи? Вот если бы не она, а он такое слово на уроке сказал, что бы тут началось, а?

Девчонки поднимали Титаниху и жалели. Парни сдержанно гоготали. Подошла Коленвал и велела Петрову убираться вон.

– А потом я напишу докладную директору!

– Про что? Про то, что эта балерина под ноги не смотрит?

– Иди, иди! Являются не готовые к уроку, да еще другим гадости делают.

Егор оглянулся в дверях:

– А чего «не готовые»-то? Если костюмов нигде не продают!

– Уж тебе-то папаша мог бы достать!

Егор, у которого было четыре тренировочных костюма, в том числе финский и японский, сказал:

– Папаша мог бы, конечно, но не будет. Надо, чтобы они были в наших советских магазинах.

– Нет, вы посмотрите! Ему уже советские порядки не нравятся! – завопила вслед физрукша.

Егор мысленно прикинул разговор с директоршей, если Коленвалиха не поленится накапать донос. «Клавдия Геннадьевна, я понимаю, что учителя тоже люди, что устают и так далее. Но нельзя же так сразу нападать и без доказательств. Да еще намеки на отца. Он что, воровать должен?» – «Ну-ну, Петров, успокойся. Ты ведь тоже не сахар. Умный мальчик, а способы для самоутверждения порой выбираешь совсем не те. Давай договоримся, что...» Ох и скучища, граждане!

...Да, лучше бы уж сидеть на физкультуре. Можно потрепаться с «бесформенными» соседями, бросить пару реплик насчет грации Вальки Титаренко или тюфяка Маклевского, который зависает на турнике, как обморочный пингвин... Можно просто смотреть, как вертятся и гнутся на кольцах и брусьях девчонки в своих цветных купальниках. Особенно гибкая и смуглая Бутакова. Нельзя сказать, что это зрелище как-то щекочет нервы Егору, но все же оно приятнее, чем серые тополя и слякотный двор.

Дверь во второй «Б» прикрыли, разговоры про золотую осень стали неслышны, а та осень, что за окном, все сыпала и сыпала грязные комки листьев. Через двор к школе шел милиционер, вел за плечо съезженного пацана – тот семенил и прижимал к животу ладони: то ли ему хотелось в туалет, то ли съезжали штаны.

Егор Петров перестал смотреть на двор и глянул вдоль коридора. Из-за поворота возникло понурое существо, жалось к стене. В существе Егор узнал четвероклассника Пулю. Пуля, несмотря на боевое прозвище, был боязливой неприкаянной личностью, которую недавно пригреб в «таверне» Валет.

Судя по всему, Пулю выставили с урока, и теперь он, отчаянно боясь встретить завуча, пробирался в спасительный туалет, чтобы сидеть там, в кабинке с задвижкой, до звонка.

Егор, тут же ощутивший себя Кошаком, хмыкнул, мягко потянулся, щелкнул языком. Пуля дернулся и обмер на месте. Егор, в точности как Валет, затуманил взгляд, шевельнул пальцем и потратил два слова:

– Пуля – иди...

Пуля, бедственно улыбаясь, засеменил к Егору. Разумеется, он считал безумием со стороны Кошака так нагло сидеть на подоконнике, когда полагается быть на уроке или по крайней мере подальше от всех глаз. И больше всего Пуле хотелось сгинуť в милый сердцу санузел. Но не подчиниться кому-то старшему из «таверны» было для него тоже немислимо.

Понимая Пулины терзания и чувствуя от этого удовольствие, Кошак опять потянулся и спросил:

– Пуля – пулей из класса?

– А чё... Я тетрадку забыл, а она...

– Закурить есть? – перебил Егор.

– Ну чё... откуда?

Показывая, как не хочется ему делать лишних движений и как он раздосадован, что делать их приходится, Егор сполз с подоконника. Нагнулся, задрал у Пули штанину, выдернул из-под резинки носка мягкую пачку «Примы» с единственной сигаретой.

– Ну чё, последняя, – виновато хныкнул Пуля и поежился от подзатыльника. Хлопок, впрочем, был не сильный. Скорее, ритуальный. Пуля заслуживал наказания за вранье, но понять его тоже было можно: кому охота отдавать последнюю.

Егор вынул сигарету, затолкал пустую пачку за батарею и пошел к туалету. Пуля, обрадованный, что расплата за обман оказалась пустяковой и что движутся они к убежищу, почти торопился сбоку. Осмелел и спросил:

– Оставишь маленько подымить?

Егор не ответил. Оставит ли он пару затяжек для несчастного Пули, будет зависеть от настроения.

В туалете пахло застарелым дымом и хлоркой. Было пусто. «Где же тот вредный второклассник? Наверно, слинял на третий этаж», – мельком подумал Егор. На приступке за батареей нащупал коробок, оставленный здесь для общего пользования, чиркнул, задымил. Забрался на подоконник под открытой форточкой.

Радости от сигареты не получилось. Дым показался горьким. Егор подавил кашель, сплюнул. Закружилась голова. Егор упрямо затянулся еще раз. Потом глянул на Пулю. Тот смотрел жалобно и вопросительно: ты меня не забыл? Егор скомкал сигарету, бросил в форточку. С удовольствием понаблюдав за Пулиным разочарованием и назидательно сказал:

– И так дохлый. Смотри, совсем скорчишься от никотина. И куда Валет смотрит...

Сам Егор курил от случая к случаю: ради компании или так, со скуки. Именно поэтому, а совсем не по бедности при себе сигарет не носил. Оно и спокойнее. А то мать найдет, опять стоны будут...

Загремел звонок, просторный туалет начал стремительно заполняться галдящей толпой. Пулю задвинули в угол. Егора вежливо попросили «прибрать ходули», а то хитрый какой: персональное купе сделал из окна. Егор встал на подоконнике, прислонился к боковой стенке оконной ниши. Дым уже висел слоистыми пластами. Пласты колыхались от коловращения плеч и голов. Обрывки разговоров, легкая ругачка и смех смешивались и тоже как бы повисали волнующимися и рвущимися слоями.

Было тесно и суетливо. Но тем не менее присутствовал и некоторый порядок. Зря никого не толкали, малышню снисходительно пропускали без очереди к кабинкам и другим необходимым местам. Те, у кого был сигаретный запас, не проявляли скарденности. Возможно, откололся бычок и неприкаянному Пуле – от какого-нибудь великодушного шестиклассника. Большие-то младший возраст куревом не балуют. Из педагогических соображений.

В углу у раковины стояли парни из десятого. Один – высокий, тонкий, с темными усами, в форме, изящной, будто фрачная пара, – поигрывал красной зажигалкой с золотой надписью «Marlboro». Аристократический запах «Золотого руна» расходился от этой компании, дразня тех, кто сосал «Примы» и «Родопи».

Заметил Егор и несколько одноклассников, они прибежали сюда в тренировочных костюмах. Трикотажная материя впитает сигаретный дух, и, когда ребята придут на второй час физры, Коленвал, как всегда, подымет крик: «Насквозь прокурились! Дышать нечем! Напишу докладную!» Причем виноватыми будут и те, кто сроду куревом не баловался. Вот, например, как Ямщиков...

Венька Ямщиков, по прозвищу Редактор, пришел не один. Он вел пацаненка лет восьми – коренастенького, с растрепанной круглой головой. Пацаненок запрокидывал лицо и прижимал к носу пальцы. Из-под пальцев ползли на подбородок алые струйки.

– Ну-ка, ребята... – озабоченно сказал Ямщиков, и народ раздвинулся, пропустил его к раковине.

Несколько голосов спросили, что случилось и «кто его так».

– Да ну... – с досадой отвечал Венька. – У других нос как нос, а его чуть щелкнешь – и побежало... Носился и сам не знает, где стукнулся. Я иду, смотрю, а у него капает...

Венька растопыренной ладонью вымыл мальчишке лицо, зацарапал мокрыми пальцами по бедру в поисках кармана с платком, но на тренировочных штанах карманов не было. Десятиклассник с зажигалкой протянул свой платок – большой и очень белый. Венька кивнул, вытер

папаненку физиономию, что-то сказал. Тот, послушный и бледный, встал у стены, закинул голову, а платок прижал к носу. Видно, кровь еще не унялась.

Егор, глядя, как Редактор смывает кровь с мальчишких щек и подбородка, шевельнул плечами. Из-за брезгливости. Но вместе с брезгливостью ощутил Егор и непонятную досаду: опять почему-то вспомнился Александревский. «Ты никогда не сможешь быть братом...»

Мальчишка с разбитым носом был Венькин брат – второклассник Иван Ямщиков. Ванька...

– Парни, атас... – негромко сказали у двери.

Окурки полетели в писсуары. Гул утих. Кажется, даже дым перестал колыхаться. И возник молодой учитель физики Мстислав Георгиевич. Высокий, с широкими плечами борца, но с тонким лицом, с черной волнистой шевелюрой и гибкими узкими руками музыканта. Работал он в школе первый год, был любимцем старшеклассниц и носил прозвище Поп-физик (из-за того, что читал популярные лекции по современной физике в школьном лектории).

– Мужественные люди, – сказал Поп-физик от порога. – Как вы здесь живете без респираторов? Прошу выходить по одному. Советую сдавать табачное зелье добровольно, не вынуждая меня прибегать к обследованию карманов.

Обитатели дымного приюта потянулись к выходу. Большинство было уже «без улик», задержки у дверей не происходило.

Скоро в туалете осталась мелкота, свободная от подозрений, Венька с братом, трое десятиклассников и Егор. Он опять удобно сел на подоконнике. Поп-физик шагнул к окну.

– Ну, что касается Петрова, то он, разумеется, успел освободиться от компрометирующих предметов. Не так ли?

– Естественно, – отозвался Егор. – Я здесь давно.

Поп-физик обернулся к десятиклассникам. Высокий парень, улыбаясь, убрал красную зажигалку «Мальборо» в нагрудный карман, а пачку с сигаретами «Золотое руно» держал в ладони.

– Костецкий, – сказал Мстислав Георгиевич. – Вы не станете отрицать, что вам известны «Правила для учащихся»? Равно как и решение директора об усилении борьбы с курением в стенах вверенной ей школы?

– Разумеется, – отозвался Костецкий. – Клавдия Геннадьевна любезно проинформировала нас об этой новой акции.

– В таком случае вы меня крайне обяжете, если передадите мне свои сигареты.

– Охотно! – Костецкий с полупоклоном вручил пачку Поп-физику. Тот посмотрел на двух других десятиклассников.

– У них нет, Мстислав Георгиевич... – Костецкий улыбался той же светской улыбкой, что и Поп-физик. – Я их сегодня угощал... Но вы не огорчайтесь, пачка почти полная. При некоторой экономии вам хватит до зарплаты. А если нет – можно провести еще несколько туалетных обысков.

Улыбка Поп-физика закаменела. Он сжал пачку в кулаке, шагнул к ближней кабинке и рванул на себя дверцу. Из-за нее, пискнув от ужаса, выкатился под ноги Мстиславу Георгиевичу несчастный Пуля. Подхватил штаны и – к двери. Растерянно глянув вслед беглецу, Поп-физик швырнул пачку и рванул рычаг.

Костецкий, переждав громкое бурление, заметил:

– А вот это нерационально: смывать в канализацию материальную ценность...

Поп-физик снова обрел невозмутимость, но уже не улыбался.

– Меня, Костецкий, более волнуют моральные ценности. Даже столь сомнительные, как ваш нравственный облик. А впрочем, я предвижу, что здесь педагогика бессильна...

– *Ваша* педагогика? – сказал Костецкий.

– Мировая... Поздно уже. Начинать следует вот с таких... – Он неожиданно повернулся к братьям Ямщиковым и сменил тон. – Надо же как надымился! Аж белый весь!

Ваня Ямщиков больше не прикладывал платок к носу, но все же еще стоял с запрокинутым лицом, упирался затылком в стену. Кровь уже не шла, следы ее Венька стер влажным платком, но лицо братишки по-прежнему было бледным.

Мстислав Георгиевич шагнул к Ване. Венька в ту минуту стоял от брата в двух шагах. Всех восьмиклассников Поп-физик уже более или менее знал и понимал, конечно, что у Веньки Редактора ничего общего с курильщиками быть не может. И, не взглянув на него, Мстислав Георгиевич резко нагнулся над Ваней. Взял его за подбородок.

– Еле стоишь! Эх ведь насосался дряни! Еще есть? – Он длинные свои пальцы ловко сунул в карман Ваниных брюк.

Ваня дернулся, затылком крепко царапнул по стене, и в тот же миг Венька врезался между Поп-физиком и братишкой:

– Вы что! У него кровь, а вы!.. – Голос Веньки был не голос, а сплошной яростный звон. Лицо побелело – сильнее, чем у брата.

Мстислава Георгиевича отшатнуло.

– Да ты что... Ямщиков!.. Я...

– У него кровь, а вы... – опять сказал Венька, часто дыша. Он заслонил Ваню.

Егор успел заметить, что у того в ноздре опять набухла красная капля. Заметил, видно, это и Поп-физик. Сказал, пряча смущение:

– Что, по-твоему, это я ему нос разбил?

– А нечего в чужие карманы лазить, – тонко отчеканил Редактор. – У себя шарьте, а у него права не имеете.

– Ну, ты... – Мстислав Георгиевич шевельнул желваками. – Соображаешь, с кем говоришь? И *что* говоришь...

– Между прочим, он за брата заступается, – неожиданно сказал с подоконника Егор.

Мстислав Георгиевич оглянулся:

– Ну и что? Значит, можно позволять хамство?

– А обшаривать малышей – это, конечно, не хамство, – заметил в пространство Костецкий.

Поп-физик повернулся к нему.

– А вас с какой стороны это задевает?

– Просто фиксирую обстоятельство. – Костецкий опять тонко улыбнулся. – Мировая педагогика дала сбой. Перед лицом двух братьев.

Кто-то из малышей осторожно хихикнул. Поп-физик медленно спросил:

– Знаете, Костецкий, о чем я мечтаю?

– Разумеется, знаю. О светлом июньском дне, когда мы встретимся на выпускном экзамене. Вот тогда-то...

– Нет, о более позднем дне, – перебил Поп-физик. – Когда вы с аттестатом и, возможно, даже с медалью покинете родную школу и мы сможем встретиться где-нибудь... так сказать, на равных. Тогда я смогу без особого риска для своей должности дать вам оплеуху. В крайнем случае поплачусь пятнадцать сутками. Удовольствие стоит того...

Стало очень тихо. Костецкий опустил голову, сбил с рукава чешуйку пепла и сказал совсем негромко:

– Вы ждете от меня примитивного ответа. В том смысле, что неизвестно еще, кто кого, не правда ли?... Нет, оставим это для другого раза. Как и дискуссию о нравственном облике. Дело не во мне. Дело в таких, как он... – Костецкий кивнул на Ваню. – Им, беднягам, сколько еще страдать из-за вашей «педагогики»...

Он обошел Поп-физика и с приятелями двинулся к двери.

– Платок... – сказал Венька.

Костецкий махнул рукой.

Грянул звонок. Поп-физик вздрогнул, деловито посмотрел на часы и, не глядя по сторонам, тоже быстро вышел.

Умчалась мелкота. Венька еще раз вытер Ване нос, взял его за плечо и повел к двери. Не оглянувшись на Егора.

То, что Редактор даже не посмотрел на него, Егора неожиданно раздосадовало. Как-никак он, Гошка Петров, за Веньку только что заступился. Пусть случайно, мельком, но все-таки. А тот ни ухом, ни глазом не повел... Мимолетное сочувствие к братьям Ямщиковым разом угасло, и Егор в опустевшем туалете начал думать о Редакторе с привычной ленивой неприязнью.

Венька Ямщиков был из тех беспомощных шизиков, которые всегда скребут на свой хребет. Классная Роза обозвала его однажды на собрании донкихотом, но это по глупости. Дон Кихот был все-таки в доспехах, с мечом и копьём. Где-то наполучает шишек, а где-то и другим их наставит. К тому же в те давние времена простительно было верить во всякие принципы и справедливость. А сейчас, когда всем ясно, *что* надо писать в сочинениях и *как* надо жить на самом деле, Венькины поступки даже смеха не вызывали. Только недоумение.

Прошлой весной, например, когда Копчик со своими корешами (не из «таверны») вышел на небольшой промысел у цирковых касс и начал трясти мощну двум послушным первоклассникам, Венька Ямщиков встрял между ними. Ну, если бы еще драться начал (сдуру-то можно и так) или грозить чем-нибудь, а то глянул вот такими глазищами и тонким голоском спрашивает:

– Ребята! Да вы что, разве вы не люди?

Это Копчик потом в «таверне» рассказывал: «Ну, мы его пнули два раза, потом ушли. Я малость перетрухнул: думаю, вдруг чокнутый, опасный какой-нибудь... Кошак, вы его там в школе врачу не показывали?»

Насчет врача один раз и Розушка высказалась, не стерпела:

– Тебе, Ямщиков, честное слово, лечиться надо! Ну нельзя же быть таким... вне времени и пространства!

Это прошлой зимой было, когда Венька на классном часе поднял крик, что в школе нарушаются законы: мол, совсем недавно заведующий облоно говорил по телевизору, что нельзя собирать с ребят деньги на ремонт школ, а здесь опять – сдавайте по три рубля!

Роза Анатольевна в сердцах выдала фразу, что говорить-то легко, а пусть этот заведующий лучше денег даст.

– А он сказал, что полтора миллиона отпущено!

– Да? – взвилась Классная Роза. – А рабочие тоже отпущены? Пусть он за эти полтора миллиона маляров наймет! По безналичному-то расчету! Спроси вот его отца, во что он, этот ремонт, обходится! – Она кивнула на Егора.

Отец Егора Виктор Романович Петров был начальником экспериментального цеха на «Электроне» и теперь этот цех расширял и перестраивал. И заодно помогал школе в ремонтных делах.

Егор сказал назло Розушке:

– Ну, он не вашими трешками с малярами расплачивается...

– А все-таки интересно, куда эти полтора миллиона деваются... – начал Венька, но Классная Роза хлопнула журналом о стол:

– Хватит! Надоели твои трехрублевые принципы! Не хочешь – не сдавай!

– И не буду, – сказал Венька. И не сдал. Один из всех.

Розушка только зубами скрежетнула.

А было время, когда она Ямщикова привечала. Считала «среди тех, на кого я могу положиться». В четвертом классе, в пятом, даже в шестом. До случая с газетой, когда Редактор получил свое прозвище.

В начале февраля, на классном часе, Светка Бутакова подняла вопрос: что это за коллектив, если нет своей боевой пионерской стенгазеты? Ну и проголосовали, чтобы выпускать. И Ямщикова выбрали редактором. Он тогда еще такой был: хоть куда выбирай – не сумеет отказаться. Надо сказать, Венька и не пробовал отказываться. Лишь попросил:

– Только заметки пишите.

Все радостно заорали, что, конечно, будут писать.

Неделю Венька ходил, выпрашивал материалы для газеты. На него, понятно, смотрели как на психа. Только Бутакова написала про то, что третья четверть – самая решающая, да Юрка Громов – про свою черепаху по имени Луноход.

Газета вышла. На обычную стенгазету она была не похожа. Напоминала страницу из настоящего, в типографии отпечатанного яркого еженедельника. Заголовок «Наши новости» (с большой двойной буквой «Н») Венька сделал черной тушью, заметки отстучал на машинке (и где только взял?). В первом материале, напечатанном одними заглавными буквами, редактор Ямщиков обращался к читателям и сообщал, что это их газета и пусть пишут в нее про все интересное и важное, а не такую тягомотину, как Бутакова. Так и было отпечатано: *ТЯГОМОТИНУ*.

Заметка о черепахе Луноходе была помещена под рубрикой «Кошкин дом», и читателям предлагалось рассказывать о всех своих любимых домашних животных. Была высказана интересная мысль, что по всем этим кошкам, болонкам, догам, канарейкам, хомякам и черепахам можно судить о характере их хозяев.

Маленький верткий Юрка Громов подлетел к Веньке:

– Значит, я – как черепаха?!

– Ты – как космонавт, – утешил Венька. – Ведь она – Луноход...

Статью Бутаковой Ямщиков тоже поместил, но мало того, что обругал в начале, он к ней и послесловие написал: надо бы старосте класса не твердить общие слова, от которых ко сну тянет, а делами помогать успеваемости. Почему, например, Бутакова не вступилась за Громова? И дальше шла заметка под броским черным заголовком: «За что двойка?»

Громов опоздал на геометрию после физкультуры, потому что у него кто-то спрятал в раздевалке ботинок. Пока нашел на шкафу, пока шнурки распутал... Влетел в класс, а математичка Лизавета Яковлевна – в крик: «Я сколько раз говорила, что пора прекратить ваше разгильдяйство? Садись, „два“ за этот урок!»

Вот Венька и спрашивал: за что «два»? За ботинки, за шнурки? И если бы даже Громов опоздал по своей вине, это же не значит, что он теорему не выучил!

Были еще заметки под рубрикой «Чудеса со всего света» – Венька насобирав их из разных газет, но пересказал своими словами. В отдельном столбце – поздравления всем, кто родился на этой неделе (редактор выражал надежду, что именинники станут активными корреспондентами газеты «НН»). Еще какая-то мелочь была и даже фотография с субботника по расчистке снега. Но говорили все главным образом про заметку о двойке. И ждали: чем кончится?

Кончилось, конечно, криком на классном часе. Бутакова ревела и требовала, чтобы ее переизбрали из классных старост. Роза Анатольевна настаивала, чтобы Ямщиков все обдумал и сам – сам! – снял газету. Да, она оформлена неплохо, есть интересные задумки, но Ямщиков должен понять, что бывает критика, а бывает критиканство – пустое и безответственное. Да! Елизавета Яковлевна учит школьников математике тридцать лет, и вдруг какой-то шести-классник указывает ей, когда и как оценивать знания!..

– Не знания, – сказал Венька.

Когда Классная Роза волновалась или утверждала какие-то истины, то крепко нажимала на букву «и». Получалось «йи».

– Ка-кое ты йимеешь пра-во су-дить? Елизавета Яковлевна – одна из лучших педагогов. Ее уважают все учителя йи ученики.

Ямщиков сказал, что пускай тогда извинится перед Громовым и зачеркнет двойку. Если хочет, чтобы и дальше ее уважали *все*.

– Ты соображаешь, чего требуешь!

– Справедливости, – сказал Венька.

В классе захихикали.

– А кто ты такой, чтобы ее требовать? Чтобы критиковать? У тебя откуда такое право? Ты его заслужил? Ты сначала посмотри на себя! Лучше бы от троек йизбавился да прическу привел в порядок!

Троек у Веньки было всего ничего, и на прическу его Розушка раньше внимания не обращала. Венька с первого класса был такой: светлые волосы торчали сосульками во все стороны, сколько ни приглаживай. Может, из-за этих сосулеч тонкошей и круглоголовый Венька выглядел особенно нескладным и незащитным. Егору он казался похожим на Кролика из фильма про Винни-Пуха. Только Кролик – маленький, а Венька – довольно длинный и без очков (хотя большие круглые очки были бы очень подходящими для его редакторской физиономии).

Венька спросил:

– А если тройки, если прическа не гладкая – критиковать никого нельзя?

– По крайней мере, надо знать рамки! На взрослых замахиваться вам рано.

– Вы же сами говорили про самостоятельность и принципиальность, – негромко сказал Венька.

– Ну... и в чем ты видишь противоречие?

– Неправедливая же двойка...

– Йин-те-ресно... Сам Громов помалкивает, значит, несправедливости не усматривает.

А ты, видите ли...

– Громов просто не знает, что делать. А я редактор...

– Дорогой мой! Даже взрослым редакторам указывают их место, если они позволяют себе лишнее и переходят границы дозволенного. А ты... Запомни: чтобы кого-то критиковать, надо самому быть образцом. Понял?

Ямщиков сказал неожиданно кротко:

– Я понял вашу мысль.

– Вот и хорошо... Значит, снимешь газету?

– Я-то что? Меня класс выбирал, пускай и решают все.

Девчонки, жалевшие Бутакову, завопили, чтобы снять. Парни заорали: оставить. Не столько ради Ямщикова, сколько назло Розушке и девчонкам.

Роза Анатольевна нашла мудрый выход:

– Ладно. Пусть сегодня висит, а потом уберем. А то, не дай Бог, увидит Елизавета Яковлевна... А ты, Ямщиков, когда говоришь: «Я – редактор», не забывай, что газета – лицо класса. Значит, должна освещать все, что положено. Скоро День Советской Армии, а у тебя об этом ни строчки.

– Он же еще через неделю, – возразил Венька.

– А ты что? Через неделю еще хочешь газету выпустить?

– А как же, – сказал Венька.

...Второй номер «Наших новостей» вышел через три дня. Опять была в нем всякая мелочь, репортаж про сбор металлолома, рассказ о пуделе Нинки Ордынской, а нижнюю часть листа занимала «Сказка о границе и пограничнике». В ней повествовалось, как молодой пограничник стоял на посту и увидел нарушителя, который лез через контрольную полосу. Схва-

тился было пограничник за автомат, но вдруг подумал: «А имею ли я право? Ведь нарушитель – пожилой человек, солидный». Он вспомнил, как его всегда учили, что нельзя критиковать старших и вмешиваться в их дела. Еще когда он был совсем маленький и ехал с бабушкой в трамвае, заметил он, как жулик залез в сумку к тетеньке. Он (будущий пограничник) закричал: «Держите вора!» И получил шлепков от бабушки, которая сказала: «Он взрослый дяденька, а ты сопляк. Какое ты имеешь право так нехорошо его называть?» Потом этот мальчик учился в школе и заступился за другого мальчика, которому учительница ни за что вляпала «пару». И мальчика поставили в угол: «Прежде чем критиковать, посмотри на себя...» И теперь пограничник размышлял: «Конечно, нарушитель не прав, что лезет через границу. Но сам-то я хорош ли? Вчера старшина дал мне два наряда за плохо почищенные сапоги. Кроме того, я неважно подтягиваюсь на турнике и один раз даже чуть не ушел в самоволку на свидание. Не перейду ли я границу дозволенного, если сейчас скомантую: «Стой, руки вверх»? И пока он так думал, нарушитель углубился в чашу...

Максим Шитиков – самый хладнокровный человек в классе, – прочитавши «Сказку», пророчески сказал:

– Ну все, Редактор. Хана тебе...

Классная Роза на сей раз была печально-сдержанна.

– Ну что же. До чего договорился Ямщиков, ясно всем. Советского учителя он уже сравнивает с жуликом в трамвае и даже со шпионом.

– Я?! – изумился Венька. – Да при чем тут...

– Нет уж, теперь помолчи... А ты подумал, как твоя «Сказка» выглядит в газете перед Днем Советской Армии? Какие там можно усмотреть намеки?!

– Да это же не праздничный номер! К празднику я еще...

Роза Анатольевна долго смотрела на Ямщикова. Как на безнадежного больного. Потом сообщила:

– «Еще» можешь выпускать дома, если у тебя такой журналистский зуд. А я не хочу йиз-за тебя получать выговоры.

И полетел Венечка из редакторов. Но Редактором остался до нынешней поры.

В седьмом классе он стал посдержанней. Осторожнее как-то. Правда, случалось и тогда, что высказывался на собраниях и лез в споры (как, например, с «трехрублевой историей»), но не так часто. Или понял, что всерьез все равно никто его не слушает (погогочут, и дело с концом), или просто малость поумнел. Однако вот сегодня ума не проявил, сцепился с Попфизиком, хотя знает, что заступиться некому. Мстислав тут же накапает Розе, а у той один разговор: «Ии после этого ты собираешься в девятый класс?» А Венька-то как раз собирается...

...Егор вдруг понял, что почему-то слишком долго думает о Ямщикове. С чего вдруг? Что ему Редактор? Живут они каждый по-своему, как бы в разных пространствах, и друг для друга – что есть, что нет...

Была от этих мыслей одна только польза: время прошло незаметно, второй урок подходил к концу. Егор прыгнул с подоконника. Что-то круглое, твердое попало ему под башмак. Егор пнул. Отлетел, завертелся у плинтуса аптечный пузырек с натянутой соской. Это была примитивная брызгалка – кто-то из малышей потерял. Егор хмыкнул, поднял. Игрушка, конечно, не для восьмиклассников, но со скуки чего не сделаешь (а скука-то опять ох какая).

Егор стержнем шариковой ручки проковырял в соске дырку пошире – чтобы не брызги летели, а била струйка. Наполнил пузырек под краном. Поставил брызгалку во внутренний карман пиджака. Зевнул и пошел на первый этаж в спортивную раздевалку. Дверь в спортзал была открыта, оттуда доносилось: «...а потом я напишу докладную директору...» Ох, Господи, тоска, да и только.

Егор забрал свою сумку и опять отправился на второй этаж, к литкабинету: третьим уроком была литература. Характеристика образа Чацкого и чтение наизусть его монолога. «Карету

мне, карету!..» Катился бы куда подальше на своей карете, не пудрил людям мозги. Но Классная Роза будет закатывать глаза: «Постарайтесь проникнуться глубиной трагедии этого умного, но ненужного дворянскому обществу человека, понять йискренный гражданский пафос Грибоедова, с которым он... Громов! У тебя есть совесть? Что вы там выясняете с Суходольской?»

Интересно, как это можно «проникнуться глубиной»? Литератор... «Йискренный пафос». А сама в это время небось думает: успеет ли после урока в ЦУМ, в очередь за фээр-гевскими сапожками... Ох, скука-а...

Рассыпчато грянул звонок. Разверзлись двери. Егор отошел к стенке, чтобы не завертело потоком. Он оказался у того же окна, где сидел час назад. Напротив второго «Б». Первый поток схлынул, второклассники выходили довольно спокойно. Им-то спешить некуда, все уроки сидят в одном классе, завтракают тоже там – еду им, как в ресторан, приносят дежурные...

Среди второклассников Егор увидел недавнего знакомого. Изгнанника. Даже фамилия вспомнилась: «...кто-то хочет вслед за Стрельцовым?» И разговор: «Брысь!» – «Сам брысь!» Ах ты, инфузория...

Видимо, огорчения Стрельцова кончились, был он сейчас беззаботен и спокоен. Весело потянулся, глянул по сторонам. Увидел Егора. Егор зевнул:

– Иди-ка сюда, мой хороший...

Второклассник Стрельцов безбоязненно подошел.

– Ты что же... – Егор придал голосу отеческую строгость. – Помнишь, как ты со мной разговаривал? Разве можно грубить старшим, а?

Стрельцов, кажется, перетрухнул. Замигал. И как всегда при виде чужой робости и покорности на душу Егору (Кошаку!) упала теплая капля удовольствия.

– Нехорошо, – вздохнул Егор. – Такой маленький, а уже... И с урока выгнали... Придется наказать. Ну-ка нагни головку.

Двумя пальцами он уперся в лохматое темя Стрельцова, голова у того послушно опустилась. Егор увидел беззащитную пацанью шейку с желобком, покрытым пушистыми волосками, усмехнулся, достал брызгалку, направил в этот желобок тонкую крученую струйку... и обмер от тугого удара в поддых! Полетел на пол, трахнулся плечом о батарею. Этот малявка Стрельцов коротко и сильно врезал ему головой!

Брызгалка отлетела. Несколько секунд Егор бестолково сидел на полу и слышал тонкие крики, топот, чей-то свист. Потом слегка отпустило, он вскочил. Мальчишек-второклассников было уже много, они стояли полуколыцом, и лица их были злые и бесстрашные. Происходило небывалое. Соплякам было наплевать, что перед ними восьмиклассник Петров, Кошак, с которым считают за разумное не связываться и большие парни. Точнее, второклассники этого просто не знали. Они, видимо, знали другое – простой закон «не трогай наших».

Егор мгновенно осознал свой позор и бессилие. Сто мышат загрызут любого кота, особенно если мышата пылают праведным гневом. Эти пылали. И что-то орали («Тебя трогали, да?! Чего лезешь, жердина! Щас еще получишь!»), надвигались. Егор понял, *что* сейчас случится: один или двое бросятся ему под ноги, он потеряет равновесие, остальные навалятся сверху. Возмездие свершится на виду у всех. И потом что? Ловить каждого мышонка в отдельности? Караулить и лупить? А они снова вместе... Звать на помощь «таверну»: помогите, второклассники бьют? А сейчас как быть? Они же вот-вот... А он и дыхнуть толком не может...

Избавление появилось из дверей второго «Б» – их высокая красивая учительница с утомленным, но решительным лицом.

– Что опять за гвалт? Что происходит?

И Егор, давясь яростью и болью (и чувствуя унижение и ненависть себя за это), закричал:

– Вы! Распустили тут своих!.. Бандитов! Пройти нельзя!

Второклассники заорали в ответ. Их наставница не возмутилась криком Егора, цыкнула на своих:

– Ти-хо! Что за свалку затеяли? Это опять Стрельцов?!

– Чего опять я?! – взъелся Стрельцов. А Ванька Ямщиков, уже не бледный, а красный от злости, ткнул пальцем в Егора:

– Он сам! Кто его трогал?!

– Ти-хо! Кто сам? Матери Стрельцова я буду звонить на работу!

– Но, Анастасия Леонидовна! Ребята же не виноваты, вы просто не знаете!.. – это ввинтился в общий шум новый голос. Отвратительно знакомый голос старшего Ямщикова. Значит, Редактор прибежал навесить ненаглядного Ванечку. Неужели он все видел? Видел, гад... – Петров, ну ты чего? Ведь ты же правда сам полез! Вот... – Он подобрал у плитуса брызгалку, поднял на ладони. Его глаза жаждали справедливости, и была в них дурацкая надежда, что Гошка-Петенька сам восстановит истину.

– С-скотина, – выдохнул Егор.

Венькины глаза сузились. Все-таки это был уже не тот Ямщиков, что в прежние годы.

– Вляпался, а теперь бочку катишь на маленьких?

На лице учительницы сменилось выражение. Брови сломались, поползли вверх.

– Ах, это Петро-ов! Тот самый... Наверно, думаешь, что если папа занимает посты, тебе можно все.

Егор на нее не смотрел. Смотрел на Веньку. Тот не опускал глаз. Улыбался.

– Ну ладно, редакторская крыса, – отчетливо сказал Егор, и боль под ребрами убавилась. – Быть тебе живым-здоровым сегодня только до последнего звонка. Попомни, детка...

Повернулся Егор и пошел. Вернее, не Егор уже, не Гошка-Петенька, а только взвинченный, напружиненный Кошак. Тот, что не прощает обид. Жизнь обрела смысл. Были теперь планы и цель. Наплевать на уроки, Роза покричит и умолкнет. Главное сейчас – застать дома Копчика (хорошо, что он со второй смены).

К счастью, гардеробная была не заперта. Кошак прорвался мимо вопящей технички Шуры, которая знала одну задачу: никого не пускать к вешалкам до конца уроков. Рванул с крюка куртку. Выскочил на улицу, забыв сменить кроссовки на сапоги...

Эвакуатор

По дороге от вокзала Михаил держал Мартышонка за руку. А Димка шел сам по себе, рядом. Когда миновали вокзальную площадь и вышли на улицу Кирова, Мартышонок бежал. Сделал он это с умом, четко, ничего не скажешь. До последнего момента притворялся он раскисшим, послушным и будто даже заболевшим, потом потерся щекой о рукав шинели, поднял на Михаила печальную обезьянью мордашку и тихо попросил:

– Дядя Миша, купите мороженку, а?

Михаил (раззява, шляпа, глупее последнего салаги) размяк от неожиданной этой доверчивости и ласки, шагнул к киоску, ослабил пальцы... Мартышонок выдернул руку, сиганул через газон к отходившему от остановки автобусу. И все. Привет...

И как назло – ни одной машины, чтобы остановить, выдохнуть водителю: «Друг, выручай», догнать автобус на маршруте... Да и на каком маршруте? Даже номер не успел заметить. И растворился в городе с миллионом жителей Антон Мартюшов, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения, учетно-статистическая карточка четыре тысячи триста один, ученик четвертого класса «В» школы номер тридцать три, четыре побега из дома, участие в краже, курит, знаком со спиртными напитками, направляется после очередного побега по месту жительства.

В первый миг Михаил машинально вцепился в Димкино плечо – чтобы и этот не сбежал! Потом беспомощно плюнул. Представил в полном объеме все хлопоты и последствия. Сразу же заболела спина. И он сделал самое нелепое, что можно было сделать в таком положении. Оттолкнул Димку:

– Беги и ты... Свиньи вы все-таки...

Димка покачулся, отступил на шаг. Круглое неумытое лицо его было по-настоящему испуганным.

– Михаил Юрьевич, а что теперь вам будет?

– А черт его знает, – искренне сказал Михаил. – Скорее всего, попрут со службы, причин уже хватает...

Он вдруг почувствовал такую усталость, что вполне серьезно захотелось лечь в бурую, увядшую траву газона, подложить под щеку фуражку и натянуть на голову шинель... Погонят – ну и плевать. Сам уже не раз думал о рапорте: «Докладываю, что, убедившись в полной бесперспективности такого рода деятельности и не считая себя...» Ну и тэ дэ... Но в любом случае сперва надо найти Мартышонка. А где? Как?

– Что будет *мне*, – сказал Михаил заморгавшему Димке, – это, в конце концов, не ваше цыплячье дело. А вот что будет с *ним*? Опять пойдет по подвалам и подворотням? Сгинет ведь в конце концов!

Он говорил, даже кричал, так, будто от Димки что-то зависело. А тот вдруг сказал, бледнея и запинаясь:

– Михаил Юрьевич... Я знаю, где он будет прятаться.

– Что?!

Димка быстро кивнул и опять поднял глаза. Симпатичный такой пацаненок, замурзанный, но на лице еще нет печати бродяжничества и детприемниковской жизни.

– Только вы меня в интернат не сдавайте, ладно?

– Ты что, меня купить хочешь, что ли? – сумрачно сказал Михаил.

– Но вы же обещали!

– Вот именно. Еще в Среднекамске договорились: не в интернат, а к матери. Что ты снова трепыхаешься?

Димкины глаза вдруг налились слезами – будто жидкие стеклышки в них вставили.

– А вы... ей тоже скажите... Чтобы в интернат больше не отдавала, хорошо?.. А то я все равно опять убегу! Хоть куда!

Михаил сдержанно проговорил:

– Ты мне что-то про Мартышонка сказать хотел... Или наврал?

Димка мазнул по глазам пыльным рукавом куртки.

– Поедемте...

Сеял серый дождик, шинель постепенно набухала. Они ждали автобус довольно долго. Потом долго ехали. После этого Димка вел Михаила по улицам с облупленными старинными особняками и кривыми домишками. По пустырям с ломким, сухим бурьяном.

Пролезли в щель забора (Михаил еле протиснулся, цепляясь пуговицами и сумкой). Забор огораживал фундамент снесенного дома. Густо стоял увядший репейник – жесткий и прочный.

– Он, наверно, там, в бункере, – прошептал Димка уже без прежней уверенности.

– Где?

– Ну, так называется...

Продрались сквозь заросли. Димка показал гнилую деревянную крышку люка. Видимо, вход в погреб. Заметно было, что крышку недавно поднимали. Михаил поднял ее опять, отбросил. Пахнуло земляным воздухом, холодной гнилью. Фонарик у Михаила всегда был при себе. Михаил посветил в квадратную черноту.

– Антошка... Мартюшов...

Никто не ответил, конечно, а Димка за спиной робко сказал:

– Спускаться надо... Там закоулки всякие.

Михаил и сам понимал, что надо спускаться. А лестницы не было... Нет, была! Фонарик высветил ее внизу. Хлипкая, косо сбита из брусев лесенка валялась на полу. Может, кто-то убрал ее нарочно? Чтобы отрезать путь погоне?

Михаил взял в зубы кольцо фонарика, спустил в люк ноги, потом повис на руках. Прыгнул. Охнул от боли в спине. Протянул вверх ладони, сказал Димке «давай», принял его на руки.

Посветил вокруг. В длинном «бункере» были заметны следы обитания: стол из бочки и досок, драная тахта, полуразобранный мопед... На столе как-то насмешливо выделялась среди убогости изящная стеклянная пепельница с раздавленным окурком.

Дальний угол отгорожен был развалившимся шкафом и грудой фанерных ящиков. Кто-то еле слышно трепыхнулся в этом укрытии.

– Мартышонок, – негромко позвал Михаил. – Вылазь давай, хватит уж... Ну?

Существо за ящиками будто умерло. Тихо чертыхаясь и постанывая (спина болела все сильнее), Михаил отшвырнул пару ящиков, перелез через остальные.

Мартышонок скорчился в земляном углу, закрылся локтем от света фонарика.

– Тошка... Ну ты чего, глупый? – сказал Михаил, давя в себе жалость и раздражение. – Ладно, вставай. Пошли...

Мартышонок, не открывая лица, вдруг заколотил твердыми каблуками по гнилым половицам.

– Не пойду! Гнида! Мент паршивый! Уходи, гадина!

– А ну встань! – рявкнул Михаил. – Иди сюда!

– Сам иди в... – И маленький Мартышонок увесисто выдал Михаилу, куда тот должен идти. – Не подходи, убью! Кусать буду!!

– Ну-ка, поддержи... – Михаил отдал фонарик испуганно дышавшему Димке. Шагнул к Тошке, поднял его за шиворот.

Мартышонок пискнул, обвис, как тряпичная кукла. Михаил расстегнул на нем куртку, задрал на животе длинный свитер, рывком выдернул из петель Тошкин ремешок. Отодвинул Мартышонка к стене.

– Расстегни штаны.

Рожца Мартышонка собралась в горсть и будто совсем исчезла, остались только два блестящих испуганных глаза и черный округлившийся рот. И, не закрывая рта, одним горловым дыханием, Тошка сипло сказал:

– Не надо... Я больше не буду. – Он съежился, держась за живот. – Дядя Миша, не надо... Не буду...

– Михаил Юрьевич, не надо, – плачуще сказал Димка.

Ненавидя себя, и всю свою жизнь, и этого скорченного Мартышонка, и давясь от жалости к нему, и презирая себя за все, что происходит, Михаил выговорил:

– Дур-рак. Что ты не будешь? Бегать не будешь? Это уж точно... Расстегивай и срежай пуговицы... Он отыскал в кармане и бросил Мартышонку складной ножик. – Ну! Живо!

Потом он взял у Димки фонарик и светил Мартышонку, пока тот суетливо отпиливал тупым лезвием пуговики на брючной застежке. И когда дело было сделано, угрюмо произнес:

– Теперь бегай. В расстегнутых портках далеко не удерешь... Да пуговицы-то положи в карман, пришьешь потом, чучело...

Мартышонок то ли посапывал, то ли всхлипывал тихонько. Михаилу было тошно. «Пуговичный» способ он использовал первый раз. Раньше ругался и спорил, когда слышал о таких случаях от других эвакуаторов. А ему говорили, что поживешь, мол, поработаешь, и романтические твои перышки пообмакиваются в грязь и полиняют. Романтических перышек никогда у Михаила не было, знал, на что идет, с самого начала. И умел с пацанами как-то ладить, даже с самыми отпетыми. А сегодня – вот...

То, что он сделал с Мартышонком, делать было нельзя. И не делать нельзя, потому что, оказавшись наверху, Мартышонок рванет снова. И даже не погонишься за ним: боль в позвоночнике такая, что ступать-то приходится со скрежетом зубовым.

– Дима, поставь лестницу.

Димка поставил. Потом поднял с пола вязаную шапку Мартышонка, протянул ему.

– Сука, – тихо сказал Мартышонок. – Предатель...

Морщась, Михаил велел:

– Без разговоров. Марш наверх оба...

Теперь Мартышонок шел впереди. Прижимал руки к животу и время от времени крутил поясницей, чтобы задержать сползавшие штаны. Михаил молчал, переглатывая боль, старался держать спину прямо и осторожно. Слегка опирался на Димкино плечо. Димка, глядя в затылок Мартышонку, тихо проговорил:

– А он сказал, что я предатель... Ну и пусть.

Михаил не ответил.

– А если бы я не показал, с ним еще хуже было бы, – жалобно объяснил Димка. – Он бы тогда со шпаной... Там, в бункере, знаете... какое бывает...

– Знаю... – вздохнул Михаил.

– А если бы я не показал... тогда я для вас был бы предатель...

– Ты все правильно сделал, Дим... Ты откуда знаешь про этот бункер?

– От ребят. Мы с мамой раньше здесь недалеко жили... А мы к маме *сейчас* пойдем?

История Димки Еремина была проста и по сравнению с другими не очень драматична. По крайней мере, пока. Мать с отцом развелись, отец уехал якобы в Среднекамск, мать через год вышла замуж, а Димку, чтобы не мозолил глаза новому супругу, определила в интернат. Уговорами и обещаниями всяких благ и наград. Димка был домашний мальчик, не ездивший до той поры даже в пионерский лагерь. Интернатские нравы его ужаснули. Несколько раз он сбегал домой, умолял мать забрать его. Та, видимо, ласками, просьбами потерпеть, а то и криком водворяла его обратно. Димка не выдержал и в середине октября махнул к отцу. В Среднекамске, по известному Димке адресу, отца не оказалось. И наивное дитя отправилось в бли-

жайшее отделение милиции, чтобы узнать, по какому адресу живет его папа, гражданин такой-то... Там Димку и взяли.

Детприемник, видимо, показался Димке похожим на интернат, но еще тоскливее и страшнее. Димка провел здесь пять дней. И был все время съезженный, затюканный другими, молчаливый и с мокрыми глазами. Даже на вопросы добрейшей Агафьи Антоновны почти не отвечал. Только к Михаилу, когда тот появлялся, сразу льнул: видно, чуял в нем настоящего защитника. И все твердил: не в интернат, а к маме...

И сейчас, на углу Ленинградской и бульвара Красногвардейцев, он испуганно дернулся:

– А мы куда? К маме – в ту сторону! – На его лице блестела дождевая морось.

– Сначала с Мартышонком решим, – терпеливо сказал Михаил.

Матери Мартышонка дома не оказалось. Пожилая растрепанная соседка запричитала над Тошкой и выразила полную готовность принять его на свое попечение, пока мать не вернется. Вернуться та должна была к вечеру и не откуда-нибудь, а из Среднекамска, в который отправилась за сыном, ибо знала по опыту, что искать его следует там. Михаил проклял бестолковость своего начальства, которое не учло возможность такого варианта, поблагодарил соседку, но оставить Мартышонка отказался. По инструкции полагалось беглого несовершеннолетнего сдать с рук на руки «родителям или заменяющим их лицам».

В тех случаях, когда родителей или «заменяющих лиц» на месте не оказывалось, инструкция теряла свою четкость. Вроде бы полагалось «при отсутствии других возможностей и в порядке исключения» передать беглеца школе. Но начальством такой вариант не одобрялся, это во-первых. А во-вторых, школы обычно ссылались на свои инструкции (или наоборот, на отсутствие таковых), и все зависело от того, кто окажется упрямее: сотрудник милиции или директор школы.

Сейчас, однако, «отсутствие других возможностей» было явным, и Михаил сказал Мартышонку:

– Делать нечего, пошли к любимым наставникам.

В школе все пошло по знакомому сценарию. Оказалось, конечно, что директрисы «сегодня не будет, она на семинаре». Отыскали завуча первой смены. Та воззрилась на Мартышонка, будто на разносчика сибирской язвы, и сказала давно знакомую Михаилу фразу – первую, необдуманную и потому самую искреннюю:

– А зачем он нам нужен?

И Михаил, привыкший к таким беседам, особенно в интернатах, ответил тоже привычно (за что не раз на него писали жалобы):

– Он вам, разумеется, не нужен. Как и вы ему. Но он же не виноват, что судьба дала ему вас в наставники.

– А мы чем виноваты? – сразу взъелась завуч. Была она еще молодая, но уже замотанная и злая.

– Тем, что пошли в педвуз, – вздохнул Михаил.

– Рассуждать все хороши! Вас бы на наше место!

– А вас на мое. Вот я бы посмотрел, – невозмутимо сказал Михаил. И, чувствуя, как от него пахнет мокрым казенным сукном и раскисшими сапогами, сел к столу. Достал из сумки заранее заполненную бумагу – «Акт о передаче несовершеннолетнего...»

– Простите, ваша фамилия?

– Это еще зачем? – вскинулась завуч.

– Положено. Кому я передаю мальчика...

– Да никого я не приму! С какой стати? Чтобы он опять терроризировал всю школу?

Мартышонок, который терроризировал всю школу, тихо повозился на стуле в углу директорского кабинета.

– Тогда что вы предлагаете? – невыразительным голосом спросил Михаил.

– Да ничего! Почему вы его нам-то привели?

– А куда? К себе домой?

– К *нему* домой! У него, в конце концов, мать есть!

– Есть. Но она сейчас в отъезде и вернется вечером. Это во-первых. Да и в бега он ударился на этот раз не от матери, а из школы, с продленки. От воспитательницы Маргариты Витальевны Бабиной. Логично было бы ей и получить мальчика обратно.

– Бабкина будет на работе после часу!

– Вот видите. Куда же я его дену, кроме вас?

– Да куда хотите. В спецшколу!

Михаил скучно и подробно разъяснил:

– Чтобы отправить ребенка в спецшколу, нужно постановление комиссии, нужна путевка. Вы это знаете не хуже меня. Я таких вопросов не решаю. Я – эвакуатор. Точнее – дежурный по режиму детского приемника-распределителя, так сейчас эта должность называется. Но старое название – «эвакуатор» – ближе к сути... Моя задача – доставить несовершеннолетнего и оформить соответствующие документы. Первое я сделал. Второе должен сделать вместе с вами... А вы даже назвать себя не хотите.

– Я все равно ничего не буду подписывать! Я просто не имею права, на это директор есть!

– Директора как раз нет. В этом случае завуч его замещает.

– Кто вам сказал?!

Михаил медленно посмотрел на нее, пожал плечами, подвинул к себе акт и нацелился ручкой в графу «Примечания».

– Что вы собираетесь писать? – нервно спросила завуч.

– Отношение. Об отказе должностного лица принять ребенка в подведомственное ему учреждение. Вы подпишете, что отказались, и будем считать...

– Я же сказала: ничего не подпишу!

– Вот тут вы ошибаетесь, – веско произнес Михаил. – Одно из двух подписать придется: или прием, или отказ. Вы говорите с сотрудником органов внутренних дел. Я действую по инструкции, так что попрошу и вас...

Он увидел, что завуч не только злится, но и напугана.

– Но я же правда не могу! Товарищ... э... милиционер. У вас инструкция, а мне... Клавдия Геннадьевна мне голову оторвет, если я без нее...

– Видите ли... э... так и не знаю вашего имени-отчества...

– Тамара Павловна! – тоном проклятия сообщила она.

– Благодарю вас... – Спина у Михаила почти перестала болеть, и он чувствовал себя гораздо лучше. – Видите ли, Тамара Павловна, судьба вашей головы, при всей ее важности, за пределами интересов МВД. Это сфера Минпроса. Меня же (уж простите великодушно) больше беспокоит моя голова. Именно на нее посыплются громы и молнии, если я...

– Давайте так, – перебила его Тамара Павловна. – Подписывать акты я действительно не уполномочена. Я завучем первый год и в этом не разбираюсь... Я заберу у вас этого...

– Э... Мартюшова, – сказал Михаил.

– Да. Отправлю его пока на уроки, потом сдам на продленку, Бабкина сообщит матери... А Клавдия Геннадьевна обещала сегодня все же заскочить в школу. К двум часам...

– Это что, я полдня должен ждать ее?

– Но у вас же есть второй... подопечный. Пока отведите его... – Она увидела, что Михаил заколебался, и добавила решительно: – Это все, что я могу предложить.

Ни правила, ни здравый смысл принимать предложение завуча не позволяли. А что, если эта Клавдия Геннадьевна окажется дамой юридически подкованной, учует зыбкость инструкции и усмотрит в действиях эвакуатора больше нахальства, чем законности? Или еще хуже – Мартышонок рванет до ее прихода?... Но, с другой стороны, куда он рванет, если почти спит

на стуле? Трясая ночь в вагоне и недавние приключения измотали его. Да и куртку запрут в раздевалке.

– Тошка, иди сюда, – сказал Михаил.

Мартышонок встряхнулся, помигал, послушно подошел. Штаны уже не съезжали: пуговиц, конечно, не было, но ремешок Михаил, когда вошли в школу, отдал. Мартышонок потупился, переступил.

– Тошка, будь человеком, а? – тихо попросил Михаил. Это можно было понимать по-всякому: и «будь человеком вообще», и «будь человеком, не драпай, по крайней мере пока не подписан акт». Мартышонок посопел и вдруг полупшепотом отозвался:

– Дядя Миша, вы на меня не злитесь, ладно?

– Тошка, за что? – не сказал, а охнул Михаил.

– Ну... как я ругался в бункере.

– Да ладно... Ты тоже не сердись. За пуговицы...

Михаил виновато взлохматил ему голову. Виновато – потому что еще несколько секунд назад думал о дурацких бумагах, а не о самом Мартышонке. Он посмотрел на Тамару Павловну.

– Вы его сначала не на уроки, а в буфет отведите, он с вечера не ел...

Мартышонок расслабленно вздыхал. Нет, сегодня он не сбежит, подумал Михаил. И еще несколько дней. И может, месяц. Но в конце концов убежит опять. Потому что ничего его не держит дома, в заплеванной комнате, где всегда полно чужих мужиков, и в этой показательной школе, где он прыщ, болячка и несчастье педагогов. Что ему делать в школе, если, дотянув до четвертого класса, он читает по складам и просто-напросто не в силах сладить с учебниками? А воздухом бродячей жизни, прокуренного бункера, гулких ночных электричек, компаний с жожаками-уголовниками и детприемников он пропитан уже насквозь. Только там он чувствует себя своим... И где найти для Мартышонка школу, дом? Михаил не знал. И не знал тех, кто знает. Тысячи толстых книг, написанные педагогами за многие века, в случае с Мартышонком годились только для... Впрочем, ладно... Михаил встал.

– К двум часам я вернусь... Со вторым подопечным, надеюсь, не будет хлопот: я веду его не в школу, а к маме. – Он сказал это не столько для Тамары Павловны, сколько для Димки, который томился на стуле в ожидании своей судьбы.

Димкина мать была бухгалтершей в каком-то управлении «Облстройремпром и т. д.». Ее вызвали в пыльный, пахнувший старым картоном вестибюль. Лет тридцати пяти, в меру крашенная, в меру интеллигентная и достаточно встревоженная историей с сыном, Димкина мама коротко поприветствовала над ним («Что же ты надумал это, а? Глупый ты мой! Сколько людей на ноги поднял...»). Потом, сдержанно всхлипывая, поблагодарила Михаила, расписалась, где надо. Вопросительно глянула мокрыми глазами:

– А... что еще?

– Еще вот что... Дима, посиди там в уголке, я скажу маме, что обещал... Софья Аркадьевна, послушайте внимательно и постарайтесь поверить мне. Дима не сможет жить в интернате. Есть ребята, которые просто не могут без матери, без дома, он такой... Знаете, я с пацанами имею дело каждый день, разбираться кое в чем научился... Пожалейте парня. Иначе он будет убегать снова и снова, пока не кончится это бедой...

– Господи, да я же понимаю!.. Я думала...

– Простите, – перебил Михаил. – Я вмешиваюсь в личную жизнь, но работа такая. Постарайтесь доказать вашему мужу, что...

– Ой, да что вы! И доказывать не надо! Он сам говорил: зачем в интернат, втроем проживем! Это я сама думала, как лучше. А Димочка... Дима, ты же сам согласился!.. Говорили, интернат самый лучший, с художественным уклоном.

– Какой бы интернат ни был, уклон один – сиротский, – сумрачно сказал Михаил. – Не все привыкают...

– Ой, да пусть! Пусть в старую школу идет. Я ведь не знала... – Она жалобно улыbnулась. – Думала, чтобы всем хорошо было. Квартира-то однокомнатная. Маленький появится – тогда как?... Да ладно, шкафом отгородимся! Лишь бы всем хорошо...

...Димка догнал Михаила на улице. Выдохнул со счастливой слезинкой:

– Михаил Юрьевич... Можно, я вам письмо напишу?

– Напиши, Дим, если захочешь... – Михаил подержал его за плечо. – Ну, будь здоров. Живи...

Димка не напишет письмо. Пишут несчастливые: из спецшкол, спецучилищ, колоний. Пишут в тоскливом желании хоть капельки тепла, в надежде на ответное человеческое слово. А зачем станет человек писать, если у него все благополучно? Пускай это благополучие в закутке за шкафом, в тесной комнате, где неумоимо орет новорожденный брат или сестра, где нелюбимый отчим, где сердится замотанная работой, стирками, бессонницей, возней с младенцем мать. Все равно – дом. Все равно – мама...

В два часа директорша в школе не появилась. Не оказалось и Тамары Павловны. Чертыхаясь, Михаил пошел искать ее по этажам. На него, конечно, оглядывались. А Михаил вдруг с испугом понял, что не помнит завуча в лицо. Вернее, все встречные учительницы были одинаковыми. С одинаковым выражением раздраженной бдительности, утомления и печального сознания, что до конца дней осуждены нести свой школьный крест. «Да что они, маски надели, что ли!» – яростно думал Михаил, хотя понимал, что виноват сам: внимательней надо быть. И нельзя было так глупо доверяться этой Тамаре Павловне.

Раза три Михаилу казалось, что он встретил ее. Но, натолкнувшись на удивленно-неузнающий взгляд, Михаил не решался заговорить. Наконец молоденькая вожатая сообщила, что Тамару Павловну срочно (конечно же – срочно!) вызвали в районо.

К счастью, он отыскал воспитательницу с продленки. Маргарита Витальевна Бабкина оказалась не такой, как Михаил ожидал. Это была негромкая, непохожая на учительниц в коридорах женщина. Она, вздыхая, сказала, что Антошка после обеда совсем раскис и теперь спит на диване в игровой комнате («Набегался глупыш. Горе с ними и вам, и нам, верно?»). К матери она отведет его сама. Пуговицы пришила... Михаил покраснел, но от сердца отлегло.

У школьной бетонной изгороди его догнал тощенький длинношей парнишка с винтовато-упрямыми глазами. Класа из восьмого.

– Товарищ старший сержант, простите... Вы в какую сторону идете?

Михаил не удивился, на улице бывает всякое.

– На главпочтамт. А что?

– Можно, я пойду рядом с вами до троллейбусной остановки?

– Ну... как говорится, сочту за честь. А в чем дело?

– Да... пасутся тут эти... Счеты им свести охота... – Он мотнул вязаной шапчонкой в сторону. У мокрых тополей топтались четверо. С отсутствующим видом. И кто они такие, и зачем топчутся, Михаил опытным глазом определил в один миг.

– Может, вы думаете, что я трус? – вдруг сказал мальчишка тонко и с вызовом. – Если бы они, как люди, если бы один на один... А то... будто волки, стаей.

– А давай-ка разберемся с этими «волками», – предложил Михаил. Парнишка усмехнулся:

– Как вы разберетесь? Они скажут: стоим, никого не трогаем, ничего не знаем. Как вы докажете?

Он был прав, и Михаил вздохнул:

– Ладно, пойдем.

Целый квартал «волчья» четверка шла за Михаилом и его спутником. Потом один – симпатичный такой, золотисто-кудрявый – что-то сказал, другие тихонько загоготали, и все свернули в переулок.

Михаил спросил:

– Из-за чего они к тебе пристают?

Парнишка нехотя сказал:

– Один там отыгаться хочет. Сегодня с чего-то полез к малышам в школе, а я там рядом оказался. Ну, заспорили...

– Сегодня ты от них уйдешь, а завтра как? – сказал Михаил. – Ты тогда... как-то в классе подымай вопрос, что ли... – Он понимал, что, скорее всего, говорит беспомощную глупость.

– Ага... – отозвался мальчишка. – Все, конечно, возмутятся и дружно подымутся. Против Кошака... Ой, вон троллейбус идет! Спасибо, я побежал...

На почтамте Михаил наменял пятнадцатиков и пошел в будку междугородного телефона. Хоть здесь повезло: очереди нет и автомат исправный. Михаил набрал среднекамский номер:

– Это НИИХим? Будьте добры Варвару Сергеевну...

Он представил, как мать – маленькая, быстрая, седая, в куцем своем халатике – спешит к телефону в закутке лаборатории. «Миша, это ты? Ты откуда? Как ты себя чувствуешь?»

«Это я... Я паршиво себя чувствую, мама... Да нет, при чем тут спина. Пусть бы она горела адским пламенем, каждый позвонок! Только бы знать, что делать. Как им всем помочь – и Мартышонку, и Вовке Сапогову, которого я на той неделе рыдающего сдал в спецшколу, и Волчку, которого отвез туда же (и он не плакал, весело гримасничал, а глаза были, как у собаки с камнем на шее). Как уберечь от волчьей жестокости парнишку с беспомощно-дерзким взглядом, который заступился за малышей? Как вытравить эту жестокость из тех четверых и еще из тысяч таких же?.. Mamочka, что могу сделать я, эвакуатор детского приемника-распределителя, замотанный командировками, оглушенный сотнями историй о раздавленных ребячьих судьбах?.. Я понимаю, что ты вне себя от тревоги за меня. Помню, как ты однажды сказала: «Хорошо, что тебе не дают пистолета...» Нет, мама, не бойся, я не лейтенант Головачев... Но скажи, откуда это ползучее гадство, это сиротство при живых матерях, эти серые чиновничьи рожи, это „зачем он нам нужен“?»

– Что? Сейчас подойдет? Спасибо, подожду, конечно...

«Мама, ты считаешь что я сам виноват? Не надо было соваться в эту работу?.. Я знаю, ты до сих пор думаешь, что это во мне детство разыграло, этакая горько-романтическая идея: мстить всякой нечисти за брата... Все было гораздо сложнее. Я спасал Остров. Потерять его – значит потерять себя, тут и пистолета не надо...»

– Мама? Да, я... Все в порядке, мама. Просто застрял здесь до завтра. Из-за бумаг. Ты же знаешь этих волокитчиков... Ну что спина, спина как у юного мустанга... У отца была? На той неделе выпишут? Ну вот, а ты боялась!.. Нет, не в гостинице. Наверно, я к Александру Яковлевичу попрошусь, где-нибудь приткнет на раскладушке... Господи, ну к Ревскому же. Разве ты его не помнишь?.. Целый год уже здесь, зам. главного режиссера на студии. Передам, конечно... Ма-а, письма нет? Ну, это само собой, это от пацанов... От Юрки? Отлично. А... Да ничего я специально не жду, мам... Да ничего я не вбил в голову... Что? Я же говорю, здоров, как лошадь. Ну правда же, мама...

Планета Находка

Прошлой осенью на школьном дворе, желтом от солнца и листьев, старшеклассники гоняли по блестящим лужам большой глобус. Как футбольный мяч. Во время субботника они нашли этот ободраный шар без подставки в сарае со списанным имуществом и теперь вот развлекались. С глобуса летели мокрые лоскутки бумаги с напечатанными городами, реками и островами. Под бумагой голубела голая пластмасса... Кто-то поддал твердый шар так, что он улетел за площадку. И попал в руки первокласснику – тот стоял у тополя и без улыбки смотрел на игру.

– Ну ты, существо, пинай скорее, – сказали ему.

Но первоклассник смотрел из-за глобуса испуганными глазами и не двигался. К нему подошли, один хлопнул по глобусу:

– Ну-ка, давай, чего вцепился...

Первоклассник прижал большущий шар к забрызганной курточке. Сказал тихо и очень старательно:

– Ребята... Товарищи. Можно я вам свой мяч принесу? Он совсем новенький. Насовсем принесу... А это же...

Ему хотелось объяснить, что пинать такую замечательную вещь... нет, даже не вещь, а... ну, это же все равно что беспомощного щенка ногами лупить. Потому что глобус – он тоже как бы живой. Смотрите, сколько на нем всего – вся Земля...

Но ничего такого первоклассник Ваня Ямщиков не сказал. Слов таких у него не нашлось. Просто он очень жалел глобус. И не хотел расставаться с прилетевшим в руки сокровищем. Он только еще раз пообещал новый мячик и смотрел умоляюще.

Разгоряченным футболистам было не до переживаний малявки. Один уже решительно взялся за шар. Но высокий гибкий старшеклассник (тот, что потом дал в туалете платок) вдруг усмехнулся:

– Стоп, джентльмены. Нам с этим шариком – на полчаса эмоций, а человек... Смотрите, у него в глазах идея светится.

Неизвестно, что светилось в глазах у Вани, но ребята, посмеиваясь, отошли. И Ваня притащил глобус в дом.

Венька задумчиво сказал:

– Вещь, конечно, хорошая, только что с ней делать? Вон, половина всех Европ и Америк облезла.

– Можно самим нарисовать.

– Вообще-то можно... Загрунтовать пентафталем, а потом расписать маслом! – зажегся Венька. – Не обязательно в точности, а как старинный глобус! На них ведь тоже много было неточно, зато интересно: корабли, чудовища...

Ваня радостно затанцевал:

– Мне тоже дашь порисовать, вместе будем!

Бумагу, что висела ключьями, отодрали. В мастерской у отца отыскивали банку с голубой пентафталевой эмалью, но ее хватило только на половину шара. Второе полушарие Венька покрыл черным нитролаком. Границу сделал точно по экватору.

Ваня смотрел на это дело без одобрения.

– Как по черному-то рисовать? Ни земли, ни океанов черных не бывает.

– Зато космос бывает. Одну половину сделаем земную, а другую – небесную. Как на звездном глобусе. Хорошо я придумал?

– Н-не знаю, – усомнился Ваня. – Как это... Останется всего пол-Земли, что ли? А какую половину тогда рисовать? Нашу или американскую?

– А ни ту ни другую! Мы всякие материки и острова придумаем сами! Давай, Ванька! Будто незнакомая планета! А?

– Н-не знаю... – Фантазии до младшего брата доходили медленнее, чем разгорались в Веньке. Ваня любил ко всем делам подходить вдумчиво. – Пускай незнакомая планета, ладно... Только все равно ведь половина.

– Но это на глобусе половина! А считаться будет, что целая! Зато со своим небом! Свой собственный космос... Мы там разных созвездий напридумываем!

– И путешествовать можно будет по ним? На звездолете!

– Я об этом и говорю!

К вечеру грунтовка высохла, отец дал кисточки и тюбики с масляными красками (он их покупал весной, чтобы расписать декорации в детском саду, который тогда заканчивал Ваня).

– А вместо разбавителя можно керосин взять.

Мама сказала, что теперь хоть из дома беги. Но не убежала, только форточки открыла.

Расписывали планету дней десять. Среди голубого океана появились Большой материк со Скалистым берегом, Малый материк с Оранжевыми песками, Поясом Пальмовых лесов и Тигриной пустошью, два архипелага – Полярный и Ласковый. И всякие острова, заливы, моря и горные хребты.

А на черной половине загорелись ярко-желтые звезды разных размеров. Их соединяли между собой голубоватые линии рисунков – контуры созвездий. Придумывали созвездия втроем: Венька, Ваня и отец. И появились на звездном полушарии Штурвал, Сивка-Бурка, Фрегат, Мушкетеры, Рыба-пила, Улыбка Акулы, Чудовище Хох (его Венька и Ваня сочинили, когда поздно вечером болтали, лежа в постелях). А еще Венька придумал систему созвездий Ро – Робин Гуд, Робинзон, Роберт Грант (это который сын капитана Гранта).

Придумывать названия – это было такое увлекательное занятие, что и мама иногда давала советы. По ее просьбе в космосе появилась «Черная дыра, куда провалилась новая шапка» (Ваня потерял ее на экскурсии в лесу), «Туманность невыученных уроков», созвездие «Авоська», чтобы братья не забывали ходить за хлебом и картошкой.

Один раз никак не могли придумать имя внутреннему морю, что на Малом материке по соседству с Оранжевыми песками. Наконец папа сказал:

– А давайте украдем какое-нибудь название у Луны. Например, море Кризисов.

– Финансовых... – вставила мама. Потому что отец накануне уговорил ее наконец, что надо купить в «Электротоварах» деревообделочный станок. За сто шестьдесят рублей. И теперь мама то и дело намекала на денежные затруднения.

Зато станочек был что надо! И токарный, и сверлильный, и строгальный! И дисковая пила на нем! Отец просто светился весь, Венька с Ваней тоже радовались. Маме отец сказал:

– Наконец стеллажи новые поставлю и братьям-разбойникам двухэтажную кровать сооружу – как в кубрике. Сколько жилплощади выгадаем, а!.. И для этой матушки-планеты подставку сделаю, будет, как в музее.

И сделал! Даже с кольцами – экватором и меридианом.

Поставили глобус у окна, рядом с книжными полками: верти, разглядывай, разрисовывай дальше и придумывай разные истории про удивительную планету Находка.

Это название пришло в голову Веньке. Ваня сперва заспорил: не бывает таких планет.

– Но она же к тебе правда как находка попала!

– Ну и что? Это все-таки не кошелек, а планета!

– А при чем тут кошелек! Находкой на Дальнем Востоке целый порт называется! Сейчас атлас принесу...

Ваня посмотрел в атлас и – куда деваться-то – согласился. А потом название стало нравиться. Другого и не надо...

Ваня пришел домой после четвертого урока. Про неприятность с носом он уже забыл, настроение было прекрасное.

Мама на обед еще не приходила. Отец в отпуске, но дома его тоже не оказалось – наверное, в мастерской, Венька в школе – у них пять уроков да еще лекция. Ваня разделся-разулся, крутнул между делом Находку, брякнулся на коленки и вытянул из-под двухэтажной кровати фанерный лист со своей «шиштемой».

По-правильному это сооружение называлось «система», но два года назад Ваня малость шепелявил. Отмахиваясь от любопытных, говорил: «Шиштемү штрою». Так и повелось.

Строить «шиштемү» Ваня начал, когда ему в руки попал моторчик от электроконструктора. Шестилетний Ванюшка с восторгом убедился, что, если моторчик соединить с батарейкой, получается восхитительное жужжание и верчение. А если к моторчику приделать шестеренку от будильника, а к ней что-нибудь еще...

И Ваня вдохновенно конструировал. Через неделю на фанерном листе, прикрепленные пластилином, вертелись уже несколько моторчиков. От них тянулись провода, резиновые шкивы, цепочки. Крутились катушки от ниток и зубчатые колесики, звенели рычажки и болты. Мигали лампочки.

Отец посмотрел на это дело, осторожно поскреб подбородок.

– Оно, конечно, здорово... Только какая задача у всей этой штуки, для чего она?

– Ну, такая шиштемa. Когда все двигается...

– Да, но... Как-то если без конкретного применения, то...

– Па-а... – Венька осторожно отвел отца за рукав. – Ну, ему просто интересно, когда все это будто оживает. Друг за друга цепляется, связывается одно с другим... Он вроде как стихи сочиняет, только не из слов, а из всяких железок...

Венька разгадал брата. Ваня в своей «шиштемe» был не столько техником, сколько поэтом. И творил железно-электрическую поэму уже третий год. Иногда, правда, забывал о ней на недели и даже на месяцы, но потом разворачивал с новой страстью. Порой «шиштемa» разрасталась далеко за границы фанерной площадки. Тогда на подоконнике вертелись жестяные пропеллеры, на полке дрыгал ручками-ножками сделанный из конструктора человечек, на столе подпрыгивали среди пружиннок раскрашенные теннисные шарики. Мигало, звенело и жужжало по всем углам.

Батарейного питания давно не хватало, отец помог приспособить старый трансформатор от детской железной дороги...

Когда появилась планета Находка, решили, что «шиштемa» там будет энергетической станцией (вот и цель для нее нашлась!). И заводом будет, и космодромом заодно. Ничего, что она не на шаре, а на полу. Считается, что все равно на планете.

Энергии Находке требовалось много, населения там хватало. На материках и больших островах разрастались города, в горах строились посадочные площадки для космических кораблей...

По дороге из школы Ваня подобрал интересную железячку: колесико с рычажком и зубчиками. Крутнешь – рычажок подсакивает. Можно приспособить, чтобы он стучал по кнопке у красной лампочки номер семь, тогда она будет сигнализировать, как маяк на космодроме... Но надо на рычаг добавить тяжести – гайку или грузило пристроить... Ваня пошел советоваться с отцом.

Мастерская отца находилась в сарайчике, во дворе. Такие сарайчики-кладовки были у всех двенадцати семей, что жили в старом деревянном доме на улице Гоголя. Но кладовка Ямшиковых была особенная: отец утеплил ее, провел свет и радио, поставил верстак, наковальню, развесил по стенам инструменты. Притащил старый диван. Хочешь – работай, хочешь – отдыхай.

Но отдыхал отец редко. Все время что-нибудь мастерил. На заводе он был наладчиком прессового оборудования, готовил штампы для всяких сложных деталей, а дома он – и столяр, и резчик, и электрик, и токарь, и художник: стены в ребячьей комнате разрисовал всякими лесными чудесами, кораблями в синем море и старинными самолетами среди белых облаков. Хорошо, что места много, – стены высокие, не как в новых домах...

Сейчас в мастерской гудел станок: отец вытачивал из круглых чурок большущие шахматы. Сделать их попросила молоденькая заведующая соседним детским клубом. Готовые короли, ферзи и пешки стояли вдоль стены, на узкой полке, – пока все одинаковые, деревянно-белые.

Несмотря на шум станка, отец сразу учуял Ванино присутствие. Выключил мотор.

– Здравьте, Иван Аркадьич. Отучились?

– Ага. А Венька еще в школе, у них писатель выступает.

– Везет людям. Я, сколько живу на свете, ни одного писателя наяву не видел.

У отца в темных волосах и на небритом подбородке светилась древесная пыль.

– Вот опять тебе от мамы попадет, что не побрился утром и сразу к станку, – заметил Ваня.

– А я до обеда еще побреюсь, мама сегодня позже придет... Что это у тебя за штука?

– Стукалка с колесом...

За несколько минут они подобрали и насадили на «стукалку» латунную муфточку. Ваня сказал, что теперь рычажок брякает как надо – хоть на машинке им печатай.

– Папа, а ты починил машинку? Нам надо газету делать!

– Починить-то починил, только вы не колотите по ней, как по наковальне. Она уже вся рассыпается, лет-то ей, наверно, не меньше ста... Иди поешь, там на плите суп и котлеты.

– Я Веника подожду...

Веньке не удалось перехитрить Кошачка и компанию. Непонятно каким образом, но они его опередили. Встретили на пустыре позади цирка.

Цирк был новый, необычный. Над куполом поднимались решетчатые полукруглые фермы, получался как бы еще один купол – очень высокий и кружевной. Говорили, что цирков с такой конструкцией всего два на свете: второй где-то в Бразилии. Не всем эта иноземная архитектура была по душе, «Вечерка» обругала архитекторов: мол, не вяжется такое сооружение со старым городским центром... Но Веньке цирк нравился. Будто опустился на площадь среди привычных тополей, старинных особняков и деревянных кварталов корабль звездных пришельцев.

Сейчас изогнутые конструкции сквозного купола казались черными, над ними летели серые тучки, а в разрывах светилось веселое желтое небо. Но полюбоваться Венька не успел. Из репейных зарослей вышли Кошак, Копчик и еще двое – незнакомые и одинаково невзрачные, с гадеными глазами. И как разнюхали, что у Веньки здесь любимая тропинка? Или выследили?

Тоскливо стало Веньке. И не так страшно, как унижительно: оттого, что глупо попался и что ничего теперь не сделать.

Кошак вытаращил дурацки-невинные глаза и заулыбался:

– Товарищ Редактор! Здравьте! А где же дядя милиционер?

Венька молчал.

Не склонный к юмору Копчик выдал:

– Подцепил прохожего мента и думал, что мы такие глупые.

– Чего надо? – безнадежно сказал Венька.

– Себя спросил бы, чего надо, когда выступал в школе, – уже без улыбки отозвался Кошак и сплюнул. – Я тебе обещал.

– До чего храбрые четверо на одного, – сказал Венька и подумал: «Хоть бы уж скорее начинали, сволочи».

– Завтра пойдешь, скажешь той дуре у второклассников, что выступал не по делу и все наврал, – лениво распорядился Кошак. – Тогда сильно бить не будем, а так, для назидания.

– Че-го? – искренне изумился Венька.

– Непонятливый, – проговорил Копчик и съежил смуглую мордочку. – Я еще тогда, у кассы, это заметил.

– Шкура ты, – сказал Венька, чтобы не тянуть волюнку.

Копчик рванулся и ткнул его костлявым кулаком в зубы. Венька в ответ неумело зама- хал руками, потому что опыта в драках не было. Двое схватили его за локти, Копчик еще раз ударил в лицо. Венька успел мотнуть головой, попало скользом по щеке. Он попытался трах- нуть Копчика ногой, тот отскочил, Венька отчаянно дернулся, освободил руки, но ему сделали подножку. И когда он оказался ничком в жухлой траве, несколько раз всадили ботинком под ребра. Венька всхлипнул и вскочил.

И опять оказался один против четырех. И они ухмылялись. А лилово-серые облака и желтое небо над ажурным куполом были такие красивые, что Веньку поразило это дикое несо- ответствие: эта вот красота, а под ней Кошак со своими подонками. И страха не осталось уже совсем. Он прикинул расстояние до Кошака. А Кошак улыбался. И вдруг перестал улыбаться, сказал:

– Ладно, стоп. Копчик, стоп, я говорю... Беги, Редактор, пока мы добрые.

Венька сплюнул кровь с разбитой губы.

– Сам беги, скотина.

К нему прыгнули, развернули, дали такого пинка, то он врезался головой в упругие сухие репейники. А когда вскочил, враги уже уходили. Венька беспомощно швырнул им вслед комок глины, недобросил... и вдруг ослабел. От вновь навалившегося страха и от радости, что все уже кончилось. Ему было противно чувствовать эту радость, но что поделаешь...

Венька подобрал сумку, умылся у колонки на краю пустыря и пришел домой с раздутой губой и темным пятном на скуле.

И разумеется, именно в этот момент пришла на обед мама. И разумеется, ахнула:

– Кто тебя так?

Отец подошел, Ваня тоже. Ему бы, олуху, помалкивать, а он сразу:

– Это Кошак! Он сегодня на нашего Стрелка полез, а тот ему головой в поддых, а мы добавили... А он из-за этого на Веника! Я Стрелку скажу, мы завтра Кошаку еще дадим...

– А Кошак опять подкараулит Веньку, – сердито сказала мама. – Так и будут побоища каждый день? Кто это такой – Кошак?

– Да Гошка Петров из их класса!

– Сын Петрова, что ли? – удивился отец. – Ай да наследничек. Он что... способен на такое?

– Кошак на все способен, – устало объяснил Венька. Теперь уже было все равно. – А не он, так его дружки.

– Подожди-ка... – начал отец, но мама перебила:

– Вот такие-то сыночки и творят что хотят. Сегодня как раз родительское собрание, вот я там все и выложу, пусть школа принимает меры...

Венька поморщился. Отец сказал:

– Ну, а в какое положение ты нашего-то парня поставишь? Будут говорить: пожаловался, мамаша пришла заступаться...

– Тогда иди ты, заступись, – неласково сказала мама. – Ты часто на родительские собра- ния ходишь?

– Да подожди ты, я ведь не об этом... У ребят в коллективе свои законы, а ты...

– Не знаю я таких законов! Чтобы всякая шпана людям проходу не давала... Все равно я скажу.

– Да не надо, мам... – опять поморщился Венька.

– Что значит не надо? Родители не должны за сына заступаться? Вырастешь – ты будешь заступаться за нас, если придется. А пока – мы за тебя. И нечего тут стесняться, глупо это...

– Да я не про то, – вздохнул Венька. – Просто бесполезно...

– Это почему же?

– Ну, скажет Роза Кошаку: «Петров, неужели ты не понимаешь, что это идет вразрез с нашими нравственными принципами? Я вынуждена сообщить директору»... А у директорши сто хлопот. Она сейчас очередную борьбу с курением и с сережками у девочек ведет...

– И что, значит, не может на одного хулигана повлиять?

– Повлияет. Вызовет и мило побеседует.

– Почему это «мило»?

– А как еще? Это на другого могут орать: «Характеристика!.. В девятый не сунешься!» А у Петеньки папа – шеф, папа – шишка. Да Петенька и сам не дурак, выкрутится... И будет с Копчиком и другими друзьями ржать потом...

– Вот чего я не пойму, – сказал отец. – У него дружки. А за тебя-то в классе некому заступиться, что ли? Ведь если видят, что такое подлое дело...

– Ох, папа, – усмехнулся Венька.

– Что «ох, папа»?

– Ну ты, в самом деле... Кто будет с Кошаком связываться? «Подлое дело»... Личное дело, скажут, обыкновенное.

– Не верю я... Что тогда у вас за ребята?

– Нормальные ребята. Как везде. Современные...

– А если нормальные... Вот я помню, когда учился, тоже всякое бывало. И шпана привязывалась. Но мы как-то держались друг за дружку. Пускай не весь класс разом, но компании товарищеские подымались, если что... Был такой Федька Романчик, местный атаман, так мы ему даже ультиматум отправили: если, мол, еще к кому-то полезешь, гляди... Помню, в нашем штабе на сеновале это послание на машинке печатали.

– На какой машинке? На нашей? – ввинтился Ваня. Голову сунул отцу под мышку, завертел шеей.

Отец взъерошил ему макушку:

– Ну, на какой же еще...

– Разве она тогда уже была?

– Я же тысячу раз про это рассказывал... Ты меня, Иван, с мысли не сбивай. Я про ультиматум Федьке Романчику говорю. Он тогда ничего, присмирел, зауважал...

– Штаб, ультиматум... – тихо сказал Венька. – Это какие годы-то были, папа... Вы тогда еще в тимуровцев играли.

– А сейчас как играют? – Отец отставил от себя Ваню.

– По-всякому... Кто на скрипке, кто в хоккей, кто в карты... А кто в активиста на собраниях. А вообще-то играть сейчас не модно. Лучше шмотками хвастаться и кайф ловить...

– А девочки с шестого класса губы красят, – вставила мама. – У нас на работе Анна Михайловна рассказывает: замучилась со своей Татьяной...

– Подождите-ка, товарищи, – насупился отец. – Я, конечно, человек отсталый, современных сложностей педагогики не понимаю. И передачи для родителей почти не смотрю... Но по-моему, ребята – всегда ребята. И тимуровцев недавно по телевизору показывали. Сбор их какой-то.

– Па-а, эти тимуровцы с Кошаком драться не станут, – улыбнулся Венька. – Их ведь за это на слет в «Артек» не пошлют.

– А мы будем драться, – опять встрял Ваня. – Мы всегда все за одного в классе, даже за девчонок. Настюшка ругается, а мы все равно...

– Что за Настюшка! – сказала мама. – Анастасия Леонидовна...

– У вас еще примитивно-первобытный коллективизм, – вздохнул Венька. – Вот подрастете, поймете житейские мудрости...

– Мы и тогда будем.

– Ну и ладно, – согласился Венька. – Значит, вы уже новое поколение...

– Что-то не нравятся мне твои рассуждения, Вениамин Аркадьич, – сказал отец. – Давно это у тебя?

– Да уж порядком... Наверно, еще с той далекой поры, когда из редакторов поперли...

– Не уходить надо было, не хлопать гордо дверью, а спорить и доказывать...

– Спорил и доказывал...

– Значит, мало.

– Папа, ты в «Клубе путешественников» каменных идолов на острове Пасхи видел?.. Вот выйди на берег и попробуй им что-то доказать. Они смотрят и улыбаются...

– Да что же, у вас в классе одни каменные идола? Что-то, братец, ты совсем... А может, ты сам окаменел малость?

– Может... – кивнул Венька. – Но газетой ты меня не упрекай. Если бы хоть один за меня тогда встал... А то все хихикали да смотрели, как мы с Классной Розой копыя ломаем...

– Вень, а мы хотели сегодня нашу газету выпустить, – напомнил Ваня. – А то давно уже не было свежего номера...

– Вы как ни рассуждайте, а на собрании я вопрос подниму, – решительно сообщила мама. Венька пожал плечами. Ваня опять дернул его за рубаху:

– Давай газету...

– Вечером, – сказал Венька. – Мне сейчас надо сочинение писать. «Сравнительная характеристика Молчалина и Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума».

– Трудно, наверно, – посочувствовал Ваня.

– Не трудно, а нудно. Все разжевано: что писать и какими словами.

– Еще мы в свое время про это писали, – сказал отец. – Видишь, Веник, ничего в жизни не меняется. А ты говоришь...

– Меняется, пап... Молчалиных стало больше.

– Тогда и напиши про это.

– Ну и напишу. Только ведь опять все хихикать будут...

Газета внешне была похожа на ту, что пробовал выпускать Венька в классе, «Наши новости». Даже сдвоенная буква «Н» такая же. Только «Новости Находки» печатали информацию со всех материков и островов Венькиной и Ваниной планеты. Репортажи с футбольных матчей между гномами Голубой пещеры (которые во время игры путались в бородах) и школьниками города Нью-Крокодайл с острова Каменных Шаров. Историю открытия подземных поселений неизвестной цивилизации. Рассказ о том, как вводили самоуправление в школе отсталого племени дайбери на острове Сердитых Кошек: завуч школы, награжденная за многолетнюю работу пальмовой ветвью для отмахивания от ядовитых розовых девятикрылов, провела специальное собрание. Она сообщила, что теперь сами ученики будут решать, кого из провинившихся школьников педагогический совет должен съедать накануне праздника, посвященного местному божеству, покровителю знаний Бак-Луше...

Была еще в газете всякая информация из дальнего космоса (и из ближнего тоже), рассказы в картинках и просто рассказы, Ванины четверостишия о щенке и кораблике. Была повесть с продолжением о приключениях находкинского школьника по прозвищу Ноль-с-

Плюсом (не из племени дайбери, а из цивилизованного города Норд-Булькало), попавшего на странную планету Земля и оказавшегося там в местной школе...

Номеров «НН» было больше тридцати. Венька стал выпускать их прошлой осенью, сразу, как появилась планета Находка. Раз в школе редакторская работа не пошла – пускай хоть здесь... По крайней мере никто не мешает. Отдавшись журналистскому горению, Венька целыми вечерами стучал на дребезжащем «Ундервуде», расклеивал заметки и рассказы, тушью и акварелью разрисовывал заголовки, выписывал рубрики. А Ваня преданно помогал: и сочинять, и рисовать...

Но этой осенью газету застопорило. То ли домашних заданий у Веньки стало много, то ли пыл угас. Ваню это беспокоило.

– Вень, дописал сочинение? Ну, давай газету делать...

– Включил бы лучше свою «шиштемую»...

– Ну, Вень... Мы с лета не выпускали.

– Материала все равно нету...

– Сразу и придумаем! – Ваня поволок Веньку за рукав, усадил на нижнюю койку.

Венька по инерции дурашливо завалился навзничь. Так и остался.

– У меня ничего не придумывается. Я на сочинении выдохся.

– А ты напрягись, чтобы это... вдохновение...

– Ну да! Оно только у писателей бывает, и то не всегда. У нас сегодня писатель выступал, он про это как раз говорил.

– Ну и пусть выступал, – не поддался Венька. – Он для нашей газеты все равно ничего не сочинит. Надо самим.

– Вот и давай.

– Сначала ты давай!.. Помнишь, ты про пустой город на острове Дзынь-Кап рассказывать начинал? Он почему пустой?

– Ну... – Венька наморщил лоб. – Его жители дзынь-капских джунглей построили... А потом...

– Какие жители? Остров же необитаемый!

– Нет, в джунглях есть там одно племя. Очень тихое и миролюбивое. Они расчищают поляны, разводят на них розовую капусту (прыгающие такие кочаны) и там живут... А однажды к ним забрел охотник из города Сан-Бубенец...

– Забрел на остров?

– Ну, потерпел крушение и выплыл, не придирайся... Он там стал жить и рассказывать дзынькапцам про разные страны и большие города. Им завидно стало, и они тоже решили построить город... Выбрали каменное плато, где джунглей поменьше, налепили из глины кирпичей, обожгли их на кострах и давай строить большие дома, дворец, башни, стены – все, как охотник рассказывал. Народу много было, люди они трудолюбивые, за три месяца управились... Днем работали, а ночевать уходили в свою деревню. А в последний день так умаялись, что остались ночевать в новых домах... Вот утром, раньше всех, одна девочка проснулась, вышла на балкон и видит: сколько домов кругом, этажи громоздятся, крыши, арки всякие, колокольни... И утреннее солнце это все освещает. В общем, красота удивительная. И тихо. Она и говорит: «Ох...» А со всех сторон ей в ответ: «Ох... ох... ох...» Она перепугалась, кинулась к взрослым, говорит: «Там злой дух завелся...» Взрослые вышли, поглядели, говорят: «Ах!» А отовсюду: «Ах... ах... ах...»

– Это эхо было?

– Конечно. Только дзынькапцы были еще нецивилизованные, суеверные. Ну и перепугались злых духов. У них там еще жрец был, страху нагнал. Духи, – говорит, – не хотят, чтобы мы меняли образ жизни, велят вернуться в джунгли... Жрецы, они всегда ведь против нового...

Дзынькапцы и ушли из города. Навсегда... А охотника отправили с острова на пальмовом плоту, его потом пароход подобрал...

– И никого в том городе не осталось?

– Никого, конечно... Хотя нет. Осталось Эхо. Но оно ведь не может без людей. Вот и молчит. Все надеется, что придет кто-нибудь, ждет. Чтобы ожить и отозваться...

Личное дело

Мать Егора предпочитала беседовать со школьным начальством один на один и родительские собрания не посещала. Поэтому Егор узнал о возможных неприятностях лишь на следующее утро. Классная Роза сообщила ему со смесью укоризны и сдержанного негодования:

– С причинами твоего вчерашнего прогула, Петров, я разберусь сама. Чуть позже. Но что касается твоей чудовищной выходки по отношению к Ямщикову, то здесь я бессильна. Его мать вчера сделала заявление при всех, и этот факт известен Клавдии Геннадьевне. Тебе придется объясниться с ней.

Егор глянул недоуменно и оскорбленно: что, мол, еще за новые напасти на меня? С уроков ушел, потому что голова разболелась. А что касается Редактора, то... Но Роза Анатольевна произнесла фразу о потере элементарных человеческих принципов у нынешнего поколения и заспешила в учительскую.

Венька Редактор ходил с болячкой на припухшей губе. Егор поглядывал на него с усмешкой: вот так, дорогой, получил, чего добивался. Редактор не отводил взгляда, но смотрел как бы сквозь Егора. Давал понять, что Кошак для него – пустое место. Недостойное никаких чувств и мыслей. Это, по правде говоря, раздражало Егора. «А я тебя, крысу бумажную, еще пожалел».

Даже себе не хотел Егор признаться, что дело было не в жалости, а в страхе. Когда сбитый с ног Редактор опять вскочил, отплеывая кровь, Егор интуитивно осознал, что предприятие безнадежное. Ощущения победы не будет. Такое ощущение бывает, когда кто-то делается испуганным и покорным. А этот идиотски упрямый хилак, видимо, готов помереть за свою гордость. Отвечай еще за него... А самое главное, что пришлось бы увидеть: есть люди, умеющие не сдаваться до конца. Не то что некоторые...

Эту боязливую догадку Егор давил в себе, но она шевелилась, подлая. И до конца уроков Егор жил со стыдливым ощущением, что кто-то узнал про него очень тайное.

После пятого урока Бутакова закричала про какое-то литературное собрание, но Егор махнул к раздевалке. Однако дверь ее оказалась на замке, и техничка тетя Шура заявила, что до конца шестого урока открывать не велено. Егор заорал, что одежда – его личная собственность и никто не имеет права прятать ее под замок. Подошла дежурная учительница.

– Ох, это опять Петров за права человека воюет...

– У нас пять уроков по расписанию! А всякие лекции – это не учебная программа, я там сидеть не обязан!

– А что ты возмущаешься? Это ваша Роза Анатольевна распорядилась, а не я. С ней и выясняй.

Егор завелся и ринулся в литературный кабинет, чтобы с порога нарушить чинность мероприятия. Пусть немедленно открывают раздевалку! То кричат о самоуправлении и добровольности, а то шмотки под замок...

Дверь в кабинет была распахнута. Егор увидел, что народу – битком: восьмой «А» и восьмой «Б» сели вместе. Сидели тихо, слушали внимательно. Егор сразу сориентировался: крик его сейчас не поддержат, сочувствия не будет. Он вошел, сердито дыша. Подвинул на скамье у крайнего стола грузного Артема Карасева.

Классная Роза вещала, стоя у стола:

– ...для тех, кто не был на вчерашней встрече... Олег Валентинович пришел к писательской профессии не гладким путем. После окончания факультета журналистики он работал в разных газетах, жил на Севере, был геологом, рыбаком, строителем. Изъездил всю нашу страну, встречался со множеством интересных людей. Все это дало ему возможность создать книги, которые пользуются заслуженным успехом у читателей. В последнем номере журнала «Обь» вы можете прочитать его повесть о нелегкой работе сотрудников уголовного розыска. А в книжных

магазинах недавно появилась книжка «Тайный звон металла». Это увлекательные очерки об истории Нижнеокского металлургического завода – старейшего предприятия нашего города. Кто еще не купил, советую поторопиться. Мы потом устроим обсуждение этой книги. Я думаю, всем нам интересна история нашего города, и книга «Тайный звон металла»...

– «Тайны звонкого металла»... – с улыбкой сказал Олег Валентинович, стоявший рядом с Классной Розой.

– Ох, простите... Если я волнуюсь, то всегда...

– Ну что вы, что вы. Волноваться следует мне. Перед такой взыскательной аудиторией...

Впрочем, никакого волнения в нем не замечалось. Он поглядывал на сплюснутых за столами восьмиклассников с доброжелательной уверенностью. Сквозь большие модные очки. Это был рослый мужчина с пепельно-серой (может быть, седоватой) шевелюрой, с широкими плечами и выпуклым животиком под свитером домашней вязки. Его маленькая борода-лопатка торчала вперед с интеллигентной решительностью.

– Кто такой? – спросил Егор у сытно дышавшего Карасева.

– Писатель какой-то. Вчера еще выступал, да не кончил. Сегодня опять приперся.

– Какой писатель?

– А фиг его... Про Робинзона вчера рассказывал...

– Про какого Робинзона? Зачем?

– Ну, я-то чё?... Про какого-то Робинзона Крузена...

Егор отвернулся. Карась был настолько туп, что не имело смысла его даже презирать.

Роза Анатольевна между тем еще раз выговорила «простите» – и с облегчением устремила взгляд в задние ряды:

– Чья там рука?... Что тебе, Симакова?

Томная Симакова поднялась, качая запрещенными сережками:

– Олег Валентинович, вот вы сказали, что переехали в наш город... А я думала, что все писатели живут в Москве.

– Симакова... – на всякий случай осудила ее Классная Роза.

Олег Валентинович весело покивал:

– Да, это распространенное мнение. Но совершенно-совершенно несостоятельное. Я мог бы назвать много известных имен – тех литераторов, кто не стремится к столичному бытию и обитает в самых разных уголках страны... У меня все объясняется просто: я ведь родом из здешних мест, из Новотуринска, а к старости тянет обычно в родные края...

– Вам ли говорить о старости, – встала Роза Анатольевна.

– Ну все-таки... Правда, в самом Новотуринске литератору трудно, небольшой городок, а здесь – все, что нужно: известное в России издательство, киностудия, журнал... А главное – темы, темы! Нижнеокский завод дал мне массу материала. Да и встретили меня там прекрасно. Создали, как говорится, все условия для творческой работы, дали прекрасную квартиру... Вы люди уже взрослые и понимаете, что писательское вдохновение весьма прочно переплетено с житейскими проблемами. Тем более, что для писателя квартира – это не только жилье, а прежде всего – рабочее место. Как цех для токаря или сталевара...

– А у вас большая семья? – пискнула с места похожая на пятиклассницу Любка Оршанская.

– Оршанская... Ох уж эти девочки. Их всегда волнуют подробности личной жизни знаменитостей.

– Да пожалуйста! Знаменитостью я себя не считаю, тайн из семейной жизни не делаю... Нас трое: жена – сотрудница научной библиотеки на Нижнеокском заводе и сын – ваш ровесник.

– Наверно, тоже будущий литератор? – Классная Роза выдавила любезно-доверительную улыбку. – Так сказать, наследник литературной славы...

– Н-не знаю, – помолчав, сказал Олег Валентинович. Серьезно так сказал. – Наследник, разумеется. Но славы или чего другого, трудно пока говорить... Существует мнение, что дети наследуют у отцов славу и подвиги. А ведь они все наследуют – ошибки и слабости тоже... Поэтому надо стараться жить так, чтобы ошибок было меньше. Хотя бы ради детей... Об этом, кстати, я пытался сказать и в повести «Паруса «Надежды». В той, о которой мы говорили вчера...

– Да-да! – обрадовалась Роза Анатольевна. – Вы обещали почитать отрывки. Мы поэтому и собрались в таком вот... обилии.

Егор вспомнил замок на раздевалке и готов был уже встать и разъяснить причины «обилия». Тем более, что самоуверенная бородка неизвестного литературного светила Егора весьма раздражала. Но оба класса заинтересованно притихли, и, пока Егор вычислял, стоит ли переть на скандал, момент оказался упущен. Олег Валентинович поднес к очкам большие листы:

– Я прочту вам начало. Буду очень благодарен, если вы потом нелицеприятно выскажете свое мнение. Уверяю вас, комплименты мне не нужны, нужна истина. Очень хочется знать, удались ли хоть в какой-то степени детали и дух той эпохи...

Возможно, Олегу Валентиновичу удалось дух и детали эпохи. Но эпоха эта ни в малейшей степени Егора не интересовала. Не интересовали его и дела директора Морского кадетского корпуса, пожилого адмирала Крузенштерна («Робинзон Крузен»! О, Карась-рыба!). И пока этот адмирал неторопливо шествовал по коридору вверенного ему учебного заведения, Егор начал потихоньку размышлять о том, о сем. В частности, действительно ли Роза накаркала директорше о вчерашнем деле с Редактором. Ничего, конечно, за это не будет, но сама возможность нудной беседы в директорском кабинете не радовала. Тем более, что все было напрасно: Редактор оказался прочнее, чем думалось.

Занятый раздраженно-кислыми мыслями, Егор встряхнулся, когда назвали его имя. Что такое?

Нет, не о нем это. Писатель читал о каком-то кадетике, которого тоже звали Егором... Не сумел другого имени отыскать для своего сопливого героя? Впрочем, наплевать... Но отвлечься Егор уже не мог. Фразы, произносимые выразительно и отчетливо, лезли в уши. И Егор уяснил, что его тезке, жившему в прошлом веке, грозила беда. Этому воспитаннику резервной роты за какую-то провинность велено было явиться в специальную комнату, где его ожидали розги. Ибо в те времена воспитательная работа не сводилась к разговорам в директорском кабинете.

Егор сидел неподвижно и равнодушно, однако в душе съежился. Не от жалости к чахлому кадетике, а от воспоминаний...

У кадета, кажется, все уладилось: адмирал пообещал заступничество. Но чувство беззащитности и ожидание чего-то скверного не оставило Егора. И он даже не удивился, когда в открытой двери показался Мстислав Георгиевич – Поп-физик – и злорадно сказал в пространство:

– Прошу прощения у собравшихся, но восьмиклассника Егора Петрова требуют к директору!

...Предчувствие не обмануло. В кабинете Клавдии Геннадьевны, сбоку от ее стола, сидел милиционер в погонах старшего сержанта. Худой, светлорусый, с темным, будто припорошенным коричневой пылью лицом, с резко-синими глазами.

Тот самый мент, вчерашний попутчик Редактора! Значит, не случайный попутчик-то... Влип, Кошачок.

А впрочем, что ему сделают? И пусть сперва докажут!..

Егор подобрался и равнодушно отвел взгляд. Улыбнулся.

– Здравствуйте, Клавдия Геннадьевна. Физик сказал, что вызывали...

С директором Клавдией Геннадьевной Михаил решил дело моментально. Она подписала акт, сказала, что Мартышонок сегодня пришел в школу вовремя и сейчас на продленке, посочувствовала Михаилу по поводу его «каторжной» работы и со вздохом высказалась в адрес завуча Тамары Павловны и других своих заместителей, которые боятся всего на свете: детей, лишних трудностей, а пуще всего – ответственности. А какой смысл бояться поставить подпись на бумаге, если все равно каждый день ходишь, как по краешку обрыва? Того и гляди, что-то случится – не сейчас, так через час. Своей доверительностью она давала понять: «Я вижу в вас коллегу и союзника».

Лицо у директрисы было пухловатое, с какими-то домашними морщинками, вздохи тоже не строгие, не кабинетные. Глаза, правда, с «беспокойной», но что поделаешь – должность такая. Михаил, который с утра готов был к тому, что ему вернут акт и скажут: «Подписывайте у матери», сейчас обмяк и слушал Клавдию Геннадьевну с удовольствием и даже сочувствием.

После короткого стука шагнул в кабинет высокий парень лет двадцати пяти – тонкий, с римским носом и негодованием в очах.

– Клавдия Геннадьевна! Мне все-таки хотелось бы выяснить нелепейшую ситуацию, в которой я оказался!

– Мстислав Георгиевич, голубчик! Выясним, я же сказала. Но не сию минуту, видите, у меня товарищ из милиции. И тоже с «ситуацией». Давайте после шестого урока... А пока, очень вас прошу, загляните в литературный кабинет, вызовите ко мне Егора Петрова. Там встреча с писателем... Валя отпросилась на полчаса, а самой мне лишний раз на третий этаж...

Мстислав Георгиевич покинул кабинет с видом оскорбленного кавалергарда.

– Вот вам нынешние педагогические кадры, – сообщила Клавдия Геннадьевна. – Первый год работы, юноша полон энтузиазма, стремится к контакту с учениками, причем без всякого панибратства, на творческой, как говорится, основе. Не терпит разгильдяйства, ревностный сторонник твердых правил и дисциплины. Казалось бы, чего еще желать? А получается Бог знает что... Вместе со старшеклассниками уговаривал меня отпустить их в поход с ночевкой. Уговорили, хотя для меня это лишние страхи и нервы. А вчера выяснилось, что ребята отказались идти с ним. Из-за стычки с курильщиками в туалете. Начал рьяно наводить порядок, не учел самолюбия наших великовозрастных интеллектуалов. И вот результат... Причем отказались-то даже не те, с кем был конфликт... А он счел, что я тайно поддерживаю это дело, чтобы похода не было... Честное слово, сам еще как дитя, трудный подросток. Хоть маму вызывай.

– Может быть, стоит? – улыбнулся Михаил. И подумал, что пора прощаться. – Клавдия Геннадьевна, у меня еще просьба. Можно отметить у вас командировку? Чтобы не ходить в управление, не козырять здешнему начальству...

– Разумеется... Ох, но печать-то в сейфе, а ключ секретарша унесла. Я отпустила ее на полчаса в магазин, дела житейские... Вы можете подождать немного?

– Если я вам не мешаю...

В кабинете было уютно, до поезда оставалось больше двух часов, болтаться по слякотным улицам не хотелось.

Клавдия Геннадьевна сказала, что ничуть он не помешает и, может быть, ему будет даже интересно. Сейчас явится еще одно трудное дитя. Весьма своеобразная личность.

Личность явилась. И Михаил тут же угадал в ней одного из вчерашних «караульчиков», хотя накануне видел его издалека. Симпатичный оказался парнишка. С небрежной прической пшенично-золотистого отлива, в меру курносый, с одинокими веснушками на подбородке и правой щеке (словно кто-то бросил в лицо горсточку желтой шелухи, да промахнулся, зацепил краем). С большим пухлогубым ртом, который наверняка растягивается в замечательную

улыбку. Глянешь и подумаешь – вот ясная душа... Только очень внимательный взгляд мог различить серую пыльцу под глазами – след курения – да недобрые точки в зрачках.

Рот мальчишки растянулся полумесяцем:

– Здравствуйте, Клавдия Геннадьевна. Физик сказал, что вызывали.

– Не физик, а Мстислав Георгиевич. Что за манеры, Егор!

– Ах да, извините...

Он держался свободно. Однако в первый миг, когда они с Михаилом встретились глазами, живые брови Егора Петрова беспокойно шевельнулись, губы напряглись. Дрогнул мальчик.

– Петров, – официально сказала Клавдия Геннадьевна. – Меня интересует вчерашняя безобразная история. За что вы избили Ямщикова?

Егор придал зеленоватым глазам выражение полной невинности.

– Кто «мы»? Он подрался с Копчиком, а при чем тут я?

– Что за Копчик?

– Ну, Копчик и Копчик... Кажется, Вовкой зовут. Я толком и не знаю. Мы повстречались случайно, а потом...

– Вы же специально у школы караулили, – сказал Михаил.

– Если стояли, значит, караулили? Копчик какого-то девятиклассника ждал, а потом говорит: «А, вон ваш Редактор ковыляет, надо мне с ним разобраться». Я говорю: «Охота тебе...»

Михаил видел, что мальчишка врет с дерзким расчетом: чем нахальней – тем правдоподобней.

– ...А потом мы пошли к цирку, узнать насчет билетов на «Звезды на льду». А Ямщиков откуда-то прямо на нас выскочил. Они с Копчиком и сцепились, у них какие-то давние счеты. Я и не подходил...

– Егор, не лги. Утром ты обещал расправиться с Ямщиковым, когда тот вступился за второклассников.

– А чего он не разобрался, а суется! Ему везде за справедливость бороться надо!.. Я сгоряча и сказал: «Обожди, ты от меня получишь». Так можно каждого в бандиты записать, если к словам придираешься...

– Егор, – значительно сказала Клавдия Геннадьевна. – Может быть, не следует выкручиваться? Хотя бы сейчас... – И она перевела выразительный взгляд на Михаила.

– Клавдия Геннадьевна, – улыбнулся Михаил. – Мне не хотелось бы играть роль пугала. Пусть Егор Петров знает, что я здесь по другому делу, хотя и шел вчера вместе с Ямщиковым до троллейбуса... Может быть, как раз в этом случае Петров будет искреннее. – И усмехнулся про себя: «Не будет. Не таков...»

В глазах Егора мелькнуло облегчение.

– А чего мне выкручиваться, если я его не трогал?

– Но ты стоял тут же, когда твои дружки били Ямщикова. И не вступился за товарища по классу, – сказала директорша.

– Клавдия Геннадьевна, – произнес Петров уже совсем уверенно, даже со скрытой усмешкой. – Товарищ по классу – это не всегда товарищ. А с Копчиком у Ямщикова свои дела. Они и выясняли. Я-то при чем?

– А двое других помогали Копчику, не так ли? – сказал Михаил.

– Когда они полезли, я и вмешался! Сказал: «А ну, кончайте!» Можете спросить Ямщикова! Он, конечно, меня терпеть не может, но врать не будет. Он же принципиальный.

– Ну что же, и спросим, если понадобится... – пообещала директорша, и Михаил уловил в ее тоне слабину. – И думаю, что тебе будет трудно доказать, что твоя роль была столь благородна...

Егор Петров обрел уверенность на сто процентов.

– А почему я должен доказывать? Кто обвиняет тот пусть и доказывает! Это называется «презумпция невиновности». В программе «Человек и закон» говорили. А то на любого человека можно что угодно наговорить, а он доказывай, что не верблюд...

Клавдия Геннадьевна посмотрела на Михаила: вот, видали молодца!

– Юридически подкованный субъект, – сказал Михаил. Он приглядывался к мальчишке все с большим интересом. Даже с некоторым одобрением. Тот явно переживал директоршу в полемике. Но вспомнил Михаил беззащитного Ямщикова и представил, каково ему пришлось одному против четырех. И ожесточился: – Знаете, Клавдия Геннадьевна, вы зря тратите время на дискуссию. В словесных поединках такие всегда выкручиваются.

Петров сжал губы в длинную прямую черту и равнодушно глянул на Михаила сильно позеленевшими глазами:

– Какие «такие»... гражданин старший сержант?

– Егор!

– Ничего, Клавдия Геннадьевна, я не обидчивый... Какие «такие»? Владеющие речью, знающие о презумпции невиновности. С интеллектом телевизионных знатоков и душами шкурников.

«Эк ведь меня... – подумал Михаил. – С чего это?»

Егор, глядя выше головы Михаила, сказал с ленцой:

– Что-то я не пойму. «Субъект, шкурник». Это ведь уже оскорбление.

– Оскорбление – это когда незаслуженно, – сказал Михаил и ощутил зыбкость своей позиции.

– А я чем заслужил? – глаза Егора блеснули почти настоящей обидой. – Вы что обо мне знаете? Или уже следствие провели?

– Е-гор, – сказала Клавдия Геннадьевна.

– А что Егор? Милиции все можно, да? Она «при исполнении», она всегда права! И пожаловаться некому.

– Ну, почему же? – скучно возразил Михаил. – Жалуются сплошь и рядом. И с успехом. Напиши жалобу и ты.

– На деревню дяде милиционеру?

Михаил вынул записную книжку, ручку и при общем молчании писал целую минуту. Все данные и адрес. Вырвал листок.

– Прошу. Пиши заявление. А я потом приеду специально, принесу свои извинения... Если не сумею доказать, что ты хорошо знаком с Копчиком и обдуманно караулил Ямщикова.

Егор бумажку взял. Прочитал и (вот стервец!) аккуратно спрятал в нагрудный карман. Потом сказал со смесью обиды и снисходительности:

– Ну ладно. Ну, даже если я подговорил Копчика разбить губу Ямщикову, в тюрьму вы меня не посадите. А такие выражения использовать все равно не имеете права.

– Петров! – Клавдия Геннадьевна заговорила с хорошо рассчитанной железной интонацией. – Я сейчас тоже употреблю выражение. Я считаю твою вчерашнюю выходку свинством, а сегодняшнее поведение наглостью. Если на основании этого ты сделаешь вывод, что я назвала тебя наглецом и свиньей – дело твое. Можешь писать в районо, адрес возьми у секретаря... А я со своей стороны обо всем происшедшем немедленно позвоню отцу. Ступай.

– До свиданья, – сказал Егор и пошел к двери. А от порога сообщил: – Звонить лучше матери. Отец все равно на объекте.

– Вот такой фрукт... – Клавдия Геннадьевна виновато посмотрела на Михаила, когда дверь закрылась.

– Любопытный образец... – Михаил все еще испытывал что-то вроде досадливого сочувствия к Петрову.

Клавдия Геннадьевна шумно вздохнула, покрутила телефонный диск.

– Алло... Добрый день, Алина Михаевна... Да, я. Вы меня уже по голосу узнаете... Спасибо, как обычно, в трудах... К сожалению, да... Грустно говорить об этом, но приходится. Пока точно не знаю, но известно одно: с какими-то ребятами подкараулил своего одноклассника, и они его слегка поколотили... Нет, Алина Михаевна, к сожалению, он инициатор... Тот мальчик тоже не прост, но не из тех, кто отстаивает интересы кулаками... Ну, как он объясняет? Вы же знаете, говорить Егор умеет, аргументы найдет всегда, в уме ему не откажешь. И тем не менее... Вот именно. Важно, чтобы он осознал. Вот-вот, об этом я и хочу попросить... Мы – разумеется, но и вы со своей стороны... Да, спасибо... Конечно, конечно, созвонимся. Всего доброго. – Она подняла на Михаила виноватые глаза: – Вот так и приходится... А что я могу сделать? От его отца зависит ремонт школы и масса всего другого... Неужели я совсем беспомощно разговаривала? Вы так на меня смотрите...

– Простите... – Михаил передохнул, чтобы прогнать ощущение жутковатой пустоты – такое, как перед распахнувшимся парашютным люком за секунду до прыжка. Это чувство у него возникало при любых резких неожиданностях. – Я услышал имя. Алина Михаевна?

– Да. Немного необычное...

– И знакомое... – Михаил сморщил лоб и прикусил губу.

Клавдия Геннадьевна смотрела вопросительно. «Нет, стоп», – сказал себе Михаил.

– Что-то вертится в голове, – неуклюже соврал он. – С чем-то связано... – Этот Егор Петров... он не мог раньше иметь дела с нашим ведомством?

– Да, возможно... Кажется, года четыре назад он не ладил с отцом и удрал из дома. Характер-то видите какой... По-моему, вернули с милицией. Но это давний случай. Вообще-то у них нормальные отношения, прекрасная семья и...

– Простите, а они... из здешних мест? Коренные?

– Право не знаю. Я ведь в этой школе всего третий год... А в чем дело? Вас что-то встревожило?

– Да ничего особенного... Одна зацепка в мозгах... связанная уже не с Егором, а с совершенно другими людьми. Возможно, я и ошибаюсь... – опять неловко вывернулся Михаил. И тут же непоследовательно спросил: – А Егору-то сколько лет сейчас?

– Ну... четырнадцать, естественно. Восьмой класс...

– Да, разумеется... А родился он здесь?.. Видите ли, мне интересно знать, не жил ли кто-нибудь из Петровых на юге.

Пряча в глазах искорки любопытства, Клавдия Геннадьевна поднялась:

– Это нетрудно узнать. В личном деле наверняка есть копия свидетельства о рождении.

Она вышла и через две минуты принесла тонкий листок.

– Да, вы правы... Родился первого июня шестьдесят восьмого года, место рождения – Севастополь...

Визиты

Из директорского кабинета Егор ушел с ощущением победы. Не потому, что выкрутился и осадил этого сержанта (личность, видимо, все-таки случайную), а потому, что почуял под конец разговора: нет у директорши доказательств, а главное – нет желания эти доказательства добывать и «двигать дело».

Слушать писателя Егор больше не пошел, сумка была при нем, раздевалку уже открыли, и через полчаса он оказался дома.

Едва успела мать скормить ему обед, как позвонил некий Гриб, человек не из «таверны», но знакомый Курбаши и к компании Больничного сада благоволивший:

– Кошачок! По агентурным данным ЦРУ, ты располагаешь кассетой с «Викингами». А?

Егор сказал, что кассета Копчика и Копчик не велел давать ее ни одному смертному. А связываться с Копчиком ему неохота, у того не характер, а одна истерика.

– И не давай, и не связывайся! Мне только послушать хотя бы начало! Чтобы знать, стоит ли игра свечек! Из твоих рук, а? Кошачок, за мной не пропадет!

Егор с полминуты поломался, чтобы набить цену, потом прихватил плэйер и спустился во двор, к заброшенной песочнице, у которой был «сходняк» местного молодого населения.

Гриб – прыщавый тип семнадцати лет и непонятных занятий – стянул громадную грузинскую кепку и почтительно водрузил на нечесаную башку дужку с наушниками. Зажмурился. Они сели рядом, Егор не выпускал плэйер из ладоней. Больше никого кругом не было. Гриб сидел и внимал. Егор ежился и скучал: было пасмурно и зябко. Прошло минут семь. Егор глянул в конец двора, окруженного П-образным двенадцатизэтажным корпусом. Глянул и машинально даванул кнопку «стоп» и клавишу перемотки.

Гриб обиженно заморгал:

– Ты чего? Там самый кайф...

– Вырубись, Гриб. Кажись, шах и мат...

От уличной арки по дорожке среди жухлых газонов и унылых кустиков шел недавний знакомый – старший сержант.

Тошновато стало Егору. Что же это, просчитался он? Ничего не кончилось? Ох прижали, кажется, хвост Кошачку...

Егор спрятал магнитофон и наушники за пазуху.

Милиционер подошел. Сапоги по склизкому асфальту «хлюп-щелк, хлюп-щелк». А на коричневом лице улыбка: зубы белые в щели потрескавшихся губ. И в глазах синий насмешливый блеск.

– Вот, опять пришлось встретиться, – вздохнул старший сержант.

– Вижу, – хмуро усмехнулся Егор (в груди неприятно холодело). – А говорили: по другому делу...

– Обстоятельства меняются, Егор... Мама дома?

Егор встал.

– Не вижу смысла скрывать. От милиции не спрячешься. Мама дома.

– Проводишь?

– Куда деваться... Руки за спину не надо?

– Сойдет и так.

Они пошли, Гриб смотрел вслед. Милиционер вдруг спросил:

– Егор, а ты правда обиделся тогда в кабинете?

– Это нужно для разговора с мамой?

– Нет. Это нужно мне...

– Тогда – да.

– Это хорошо, – непонятно сказал старший сержант.

А когда подошли к подъезду, поинтересовался:

– Ты решил, что я из-за Ямщикова пришел?

А зачем он пришел? Может, что в «таверне»? Может, насчет мопеда раскопали, который увел у кого-то Валет с мышатами? А при чем тут он, Кошак? Или станут помогать насчет бизнеса Курбаши с пластинками?.. Хуже всего, когда не знаешь...

– Я думаю, вы пришли агитировать меня в отряд «Юный дзержинец», – собрав остатки храбрости, съязвил Егор.

– Я совсем по другому делу...

– У вас все время «другое дело», «другой вопрос», но все почему-то вокруг меня.

– А тебе страшно, что ли?

– Разве заметно?

– Представь себе.

– Ошибочное впечатление. Я... как это? Ин-ди-ффе-рентен...

Поднялись на седьмой этаж. Егор открыл дверь своим ключом и в прихожей громко сказал:

– Мама, к нам тут представитель органов охраны общественного порядка... Я не звал, он сам.

Мать вышла, шурша халатом, округлила глаза. Егор скинул башмаки и, не снимая куртки, ушел в комнату. Слышал за собой обрывки разговора. Речь милиционера звучала приглушенно, а слова матери Егор различал ясно.

«...что-то натворил?.. Да-да, я понимаю, разговор необходим... Конечно, лучше без него. Там, в комнате... Ну и что же, что сапоги? А вот вы наденьте сверху эти лапти, я их специально для таких случаев плела, меня одна знакомая научила...»

Сейчас они войдут. «Горик, иди пока к себе, нам надо поговорить...»

О чем?

О чем же, черт возьми?!

Егор выложил плэйер на подоконник за шелковую портьеру и нажал кнопку записи.

Следующие два дня Михаил прожил в таком сумбуре мыслей, в такой путанице чувств, что порой заходило сердце – как в стремительно теряющем высоту самолете. Было у него и ощущение потери, и обида, и надежда, что потеря – не окончательная, и, несмотря ни на что, вспышки радости, которую тут же гасили трезвые и горькие мысли...

Мама сказала наконец:

– Миша, да что с тобой? Ну, напиши ей сам или позвони в конце концов. Нельзя же так изводить себя.

Михаил сказал сперва правду: что изводится совсем по другой причине. А потом соврал, что расстроился из-за статьи в «Среднекамском комсомольце». Статью в редакции и в самом деле изуродовали. Во-первых, придумали слюнявый заголовок: «Где ты, Антошкина мама?» Во-вторых, многое сократили, и получилась просто подборка случаев о брошенных матерями трехлетних и четырехлетних пацанятах, которые мыкаются по детприемникам вместе с правонарушителями школьного возраста. И получилось, будто Михаил в своей статье пытается убедить читателей, что во всем виноваты одни легкомысленные и бессердечные мамы. А рассуждения о том, откуда такие мамы берутся, оказались убраны.

Михаил долго лаялся по телефону с редактором отдела школьной жизни Васей Коротким. Вася отругивался. Ссылался на объективные причины и указания свыше. Потом, чтобы умаслить скандального автора, сообщил: на прежнюю его корреспонденцию о хамстве и рукоприкладстве воспитателей в Новотуринском интернате пришел из тамошнего гороно ответ о принятых мерах. Михаил знал цену таким ответам. Подробно и с удовольствием он объяснил

товарищу Короткому, как тому следует использовать эту бумагу. Рывкнул, что все равно будет добиваться судебного дела в Новотуринске и трахнул трубку на аппарат. С такой силой, что из своей половины дома примчалась старшая сестра Галина: ей показалось, будто выбили стекло.

Но и этот шумный разговор, и другие дела отвлекли Михаила не надолго. Точнее, совсем не отвлекли, потому что, чем бы он ни занимался, с кем бы ни говорил, стучала в глубине сознания мысль: «Егор... Егор... Егор...»

Субботу Михаил провел дома, а в воскресенье пошел в приемник, хотя дежурства у него не было.

В приемнике стояла тишь да гладь: малышню увели на прогулку, старших – на экскурсию в музей природы. Дежурила воспитательница Агафья Антоновна, которую и сотрудники, и ребята звали Агашей (не в упор, конечно, а за глаза). Была она добрейшая женщина и страдала лишь двумя недостатками: излишним любопытством и способностью открыто пускать слезы, когда из приемника увозили в детдома оставшихся без родителей малышей. Впрочем, и то и другое ей прощали...

Агаша дала Михаилу несколько писем, и он сел с ними в дежурке. В эту минуту заглянул сюда Старик – начальник детского приемника-распределителя подполковник Рыкалов. Несмотря на выходной, он оказался на службе. Михаил встал:

– Здравствуйте, Иннокентий Львович.

Глядя мимо Михаила, Старик сообщил:

– Товарищ старший сержант. От воспитателя Ситниковой поступил устный рапорт, что вы на той неделе после отбоя в спальне старших воспитанников не требовали от них спать, а рассказывали какую-то историю.

Михаил, нарушив субординацию, сказал, что шла бы она, воспитательница Ситникова, куда подальше. Например, вениками торговать на рынке. Разве лучше будет, если пацаны станут бузить в темноте или играть при фонариках самодельными картами?

– Так-то оно так, – уныло произнес Иннокентий Львович. – Но режим есть режим, и я обещал объявить вам замечание.

– Есть получить замечание... Только можно завтра?

– Что завтра? – слегка опешил товарищ подполковник.

– Замечание завтра. Нынче я здесь все равно неофициально. А завтра можно сразу выговор, заодно уж. Потому что вечером я буду рассказывать ребятам «Трудно быть богом», роман братьев Стругацких. Давно обещал.

– Каким еще богом? Это что, религиозная пропаганда?

– Да что вы! Совсем наоборот, атеистическая.

– Ну, завтра так завтра, – неожиданно согласился Иннокентий Львович. – Слышь, а чего ты двое суток в командировке болтался? За сутки можно было сделать все в лучшем виде...

Михаил хотел доложить о бюрократах от педагогики, но опять колыхнулось под сердцем: «Егор...» И он сумрачно сказал:

– Можете считать, что застрял по личному делу.

Старик покачал головой и пошел к двери, сутулясь и поглаживая аккуратную, словно уставом подтвержденную лысину. На пороге вдруг оглянулся:

– Тезку своего, Мишку Узелка, помнишь? Опять привезли, слинял из детдома, чертенек. Все равно, говорит, к отцу убегу...

– А знает, где отец-то?

– Знает. Говорит: пусть. Буду, говорит, с ним в бараке на стройке...

Михаил взялся за письма.

...Боже мой, как же изголодались эти неприкаянные, ошетиненные, никому не верящие Узелки, Мартышонки, Колянчики, Петьки Подсолнухи, Кочаны, Томки-растратчицы, если после одного разговора в казенной спальне или гулком ночном вагоне пишут и пишут хму-

рому парню в милицейском затертом пиджаке. Тому, кого, казалось бы, ненавидеть должны. Конвоиру...

«Я же ничего им такого не говорил. Я же в себе-то разобраться не могу...»

«Здравствуйте, Михаил Юрьевич. С приветом к Вам Зойка. Помните? Я теперь в спецучилище в далеком сибирском городе Коржанске. Училище хорошее, я получаю специальность, а с учебой пока средне, но тоже ничего. Помните тогда наш разговор в вагоне, он мне запал в душу, особенно про то, что нельзя делать свое счастье на чужом горе. Я теперь часто про это думаю, и как мама тогда вся переживала. И как Вы сказали, что если человек хоть немножко еще человек, то все еще может быть хорошее. Я спросила, а как я буду жить, если буду все время думать, что так сильно виновата, а Вы сказали...»

«Что я ей тогда сказал? То, что когда-то говорил мне Юрка?»

«Здравствуйте, дядя Миша! Когда меня привезли в спецшколу, то не сразу поставили в отряд, а через две недели, и тогда пошел мой срок. Но потом случилось одно дело, и я попал в больницу, состояние было тяжелое, даже маму вызывали, но теперь уже нормально. Я маме говорил про вас, а она говорит, что если бы я повстречался с вами раньше, то было бы все на свете лучше. Но я думаю, что все равно хорошо, что повстречался, и если вы в нашем городе будете, приходите ко мне в спецшколу, ладно? Дядя Миша, я еще хочу спросить, как вы думаете, будет атомная война или нет? Больше писать пока нечего. До свиданья. Женька».

«Не будет войны, Женька. Наверно, все-таки не будет... Но и покоя не будет еще очень долго...»

«Здравствуй, Михаил! У меня теперь другой адрес, после училища я работаю в СМУ-14 и живу в общежитии. Здоровье теперь самое то. А как твой позвоночник? И сделали ли операцию отцу?.. Михаил, все теперь у меня нормально, но надо посоветоваться об одном деле. Можно, я как-нибудь приеду?»

«Здравствуйте, Михаил Юрьевич! Поздравляем вас со скорым наступающим праздником Октября. Это пишут Юрка Зайцев и Серега Бабилов, который Самовар. Нас, после как вы поговорили с начальством, определили в одну группу, спасибо вам за это...»

А это еще что такое? Надо же, из университета! Они что, домашнего адреса не знают?

«Уважаемый Михаил Юрьевич! Я надеюсь, что Вы не оставили намерение восстановиться на четвертом курсе со второго семестра этого учебного года. Буду рад помочь Вам и прошу в связи с этим зайти в деканат филологического факультета в удобное для Вас время, но желательно до праздника.

Проректор по заочному обучению,
профессор *В.С. Платонов*».

Увы, придется, видимо, огорчить милейшего Валентина Степановича: насчет зимнего семестра и восстановления вообще пока ничего не ясно. Программы по литературе и педагогике, которые три с половиной года прилежно штудировал сержант-заочник, не дали ответа на главный вопрос: как сделать, чтобы не нужны стали детприемники и должность эвакуатора.

Не волнуйся, дорогой, тебя попрут с этой должности гораздо раньше, чем ее упразднят. Старик-то тебя терпит, а зам по воспитательной части товарищ майор Курляндцев давно уже зубы точит. Анархист, мол. Поменьше бы, говорит, статейки писал да в душах копался, побольше бы думал о плановых мероприятиях и отчетности... А вытурить тебя, Мишенька, из органов – раз плюнуть. После первой же медкомиссии. И куда пойдешь (хотя и сочинял в уме рапорта)? Думаешь, в редакции или в школе нужны недоучившиеся филологи? И думаешь, они *хоть кому-то* нужны? А доучившиеся?.. Ох, насколько же проще было в воздушно-десантных войсках. В той самой армии, которой почему-то так боятся многие нынешние мальчишки. Ясно было, отточенно, честно и прочно. Несмотря на то что до конца так и не избавился от страха, который останавливал дыхание перед каждым прыжком. Да наплевать на этот страх!

Прыгал-то не меньше и не хуже других. И никто не виноват, что в том последнем прыжке захлестнуло стропы...

– ...Миша! Ты слышишь?

– А?... Что, Агафья Антоновна?

– Мальчик тебя спрашивает. Там, у входа...

– Какой мальчик? Разве уже вернулись?

– Да не наш! – Агаша даже посапывала от любопытства. – Станный такой, приличный по внешности. Сперва адрес твой домашний просил, а я говорю: «Да он сам здесь». А он и говорит: «Скажите старшему сержанту Гаймуратову, что его ищет брат...»

Вечерняя электричка

К стеклам липли снаружи мокрые сумерки, старый вагон трясся, словно хотел стряхнуть их. Дребезжали тусклые плафоны. В соседних вагонах работало отопление, там народу было много, а здесь никого. Но если притерпеться – не так уж холодно. И главное – никто не мешает разговаривать. Михаил так и сказал Егору. Егор не спорил. Хотя всем своим видом показывал: о чем разговаривать, он понятия не имеет. Все уже сказано.

Они сели на противоположные скамьи, но не друг против друга, а по диагонали: Егор – у окна, лицом по движению поезда. Михаил – на краю, у прохода.

Наконец Егор сказал, водя пальцами по стеклу:

– Хоть убей, не понимаю, зачем тебя понесло провожать меня в такую даль.

– Чисто эгоистические соображения: если буду знать, что ты домой добрался нормально, спокойнее спать стану...

– А что со мной может случиться? – сказал Егор с легкой ноткой презрения к трусости Михаила.

– Да ничего. Я же говорю: просто мне спокойнее...

– Ну-ну, – сказал Егор и зевнул. Потом съязвил: – Ты, наверно, забыл, что я не беглец из интерната, а ты не конвоир.

– Какой же я конвоир? Наоборот... Видишь, даже в штатское оделся. – Михаил изо всех сил старался держаться ровного и мягкого тона. Потому что все еще надеялся: вдруг повернется разговор иначе? Вдруг откроется в этом мальчишке что-то знакомое, родное? Но губы Егора Петрова, которые умели расплзаться в такой милый улыбочивый полумесяц, теперь были вытянуты в прямую черту.

...Эти прямые губы и абсолютно спокойные глаза сперва казались Михаилу ненастоящими. Маской. Оно и понятно, говорил себе Михаил. В четырнадцать лет кому хочется показывать волнение? А в этом случае особенно. После такого знакомства в кабинете директора! Вот и смотрит братишка независимо и вроде бы безучастно. А в душе небось клубок сомнений, вопросов, тревог и... может быть, и радости? Ведь свой же, в конце концов! Примчался же, черт возьми, из другого города!

...В первый миг, увидев Егора, Михаил качнулся к нему, взял за плечи.

– Ты... Егор... – Он чуть не сказал «Егорушка». – Надо же... Значит, она все сказала?

– Кто? – Егор медленно посмотрел из-под низко надвинутой вязаной шапки с этой вездесущей идиотской надписью «ADIDAS».

– Ну... мама твоя. Алина Михаевна...

– А... – Он улыбнулся тогда первый и последний раз. – Нет, она ничего не говорила. Это дело техники...

И он вытащил из-под куртки серебристый плэйер.

– Д-да... – озадаченно сказал Михаил. Ох как нехорошо это все его царапнуло. Он не удержался: – Ты, я вижу, тертый мужик... – И спохватился: «Ох, дубина, зачем так?»

– Жизнь такая, – разъяснил Егор. – К тому же век электроники...

– Что и говорить, – улыбнулся Михаил (и со страхом поймал себя, что улыбка получилась чуть ли не заискивающая). – Ты современный юноша...

– Хочешь послушать? – спросил «современный юноша», никак не отозвавшись на улыбку. И вынул дужку с мини-наушниками.

– Подожди, – Михаил оглянулся на изнемогшую от любопытства Агашу, на чуткого дежурного у входа. – Пойдем отсюда...

За низким зарешеченным окном был виден сквер с ярко-желтыми березами. День был не холодный и к тому же сделался разноцветный – пробилось солнце.

В сквере они сели на усыпанную листьями скамейку.

– Хочешь послушать? – опять сказал Егор, и Михаил с удовольствием отметил, что брат говорит ему «ты».

– Послушать?.. Да я и так помню разговор... Ловко ты сработал с этой машинкой. Оперативник, да и только...

Егор пренебрежительно спросил:

– Видимо, с милицейской точки зрения это комплимент?

– Ну что ты ерничаешь, Егор... – осторожно проговорил Михаил (а сердце перестукивало, щеки теплели от тревожной радости). – Ну давай, я послушаю.

– Я не оперативник. Просто машинка была под рукой, вот и нажал кнопку... На.

Михаил снял фуражку, надел крошечные холодные наушники. В них что-то шелохнулось, и сразу возникло ощущение пространства – с шорохом шагов, шелестом портьеры. Да, техника. Действительно стерео. Если закрыть глаза – полное впечатление, что находишься в комнате и два человека говорят в разных углах.

Свой голос Михаилу показался чужим, так всегда бывает, если слышишь себя в записи. Но Алину он представил как живую.

«Я вас слушаю... Он что-то натворил?»

«Алина Михаевна, вы меня, конечно, не узнаете. А я вас сразу узнал. В шестьдесят седьмом году в Севастополе, помните?.. Меня тогда звали Гай...»

Молчание... Молчание, молчание. Но не глухое. Тончайшие ферромагнитные чешуйки отпечатали еле слышное дыхание двух людей. И как шевельнулся под Михаилом стул.

«Да... – наконец сказала Алина. – Действительно, вас не узнать...»

И снова молчание. Полное холодными вопросами: «Ну и что же вам надо от меня? Вы понимаете, что я не жду от вашего визита ничего, кроме осложнений? Вы понимаете, что у меня нет желания вспоминать и вас, и тот шестьдесят седьмой год?»

Он это понимал. И спросил сразу – будто головой в парашютный люк:

«Алина Михаевна, Егор – сын Толика?»

И моментально:

«С чего вы взяли?.. Господи, с чего вы это взяли?!»

«Мы же не дети, Алина Михаевна... День рождения – первое июня... Кто еще мог быть его отцом?»

«Вы... Простите, но вы как-то очень уж примитивно рассуждаете».

Он, кажется, позволил себе улыбнуться. Чуть-чуть.

«Алина Михаевна, это не я такой примитивный. Это законы природы...»

Снова тревожная тишина. И вдруг резкий вопрос: «Ну, и что вы хотите?»

«Что... Вы и сами понимаете. Знать хотелось бы...»

«Но вы и так уже знаете...»

Михаил вспомнил, как она стала покусывать пухлые губы.

«Вы, простите, высчитали... И разыскали... Видимо, это ваша специальность...»

«Я понимаю, что мой приход вас не радует... Но меня-то понять вы можете? Если это так, то Егор – мой двоюродный брат».

«И что из того? Вы узнали о нем случайно. И двоюродный – не родной...»

«Он – сын Толика. А Толик для меня...» – Ох как не вовремя, как по-дурачки у взрослого мужа что-то по-детски сорвалось в горле...

Она сказала помягче:

«Как все это неожиданно... И долго вы нас искали?»

«Боже мой, да совсем я вас не искал! Был в школе по служебным делам, директор говорила с вами по телефону, я услышал ваше имя, вспомнил...»

«Значит, нелепая случайность».

«Нет... – Михаил слегка ожесточился. Особенно на слово «нелепая». – Думаю, так или иначе наши пути пересеклись бы. Все-таки в одном краю живем. Вы и с Толиком-то познакомились именно поэтому, он мне рассказывал. Вы с ним разговаривали, когда он узнал, что ваш брат живет недалеко от Среднекамска...»

«У брата почти такая же судьба, он погиб в катастрофе...»

«Простите, я не знал...»

«Не в том дело. Если бы не этот разговор в школе...»

«Но он случился».

«К сожалению...»

«Все-таки... – Михаил вспомнил, как с резиновой натугой произнес это „все-таки“. – Что же здесь плохого? Чем я могу повредить вам и Егору?»

«Извините, я не помню вашего... настоящего имени...»

«Михаил».

«Михаил... и?...»

«Михаил Юрьевич, если угодно».

Она скользнула тогда по нему глазами.

«Я понимаю, – сказал Михаил. – Такому имени более соответствовал бы изящный мундир поручика Тенгинского полка, а не потертый пиджак милицейского сержанта... Но дело не во мне...»

Вздых.

«Дело именно в вас... Вы сотрудник милиции и должны знать юридические нормы. Законы... Тайна усыновления охраняется законом. Кто ее нарушит...»

«Я не нарушу. Не за тем пришел. Не бойтесь», – это в нем уже закипела досада.

«Вы должны меня понять. Михаил Юрьевич... Моя... мое знакомство с Анатолием было... оно коротким было. Почти что случайным. А Виктора... моего нынешнего мужа я знала еще задолго до того. Хорошо знала... когда он вернулся из плавания, то ни в чем не упрекал меня. Мы поженились, будто ничего не было, он любил меня. Даже его родители не догадывались, что Егор не его сын. И сам Виктор ни разу... ни намеком, ни словечком про это не напомнил. Ни мне, ни себе. А вы хотите сейчас...»

«Ничего я не хочу, Алина Михаевна... Но как бы вы поступили на моем месте, если бы узнали... про такое...»

«Ох, не знаю... Михаил Юрьевич. Я женщина, и вот на меня вы свалили... все это. Сразу, неожиданно».

«Простите... Но была еще женщина, мать Толика. Я думаю, она прожила бы гораздо больше, если бы знала, что у Толика остался сын, ее внук».

«Может быть... Честно говоря, я не думала об этом...»

«Верю», – вздохнул он.

«Да. Вы можете осуждать меня, но прежде всего я думала о своей семье. Так устроены женщины».

«Не все...»

«Можете осуждать меня», – опять сказала она.

«Алина Михаевна... Разве я пришел, чтобы осуждать?»

«Не знаю, зачем вы пришли... Если Егор обо всем узнает, неизвестно, чем это кончится. Переходный возраст, с ним и так нелегко... Давайте говорить откровенно...»

«Давайте», – уже безнадежно согласился Михаил.

«Наверно, я скажу вам жестокую вещь, но, когда женщина защищает свое... свое гнездо, она способна на все. Ведь Анатолий погиб из-за вас. Неужели вы хотите сделать несчастным и его сына, разрушить семью, где он вырос?»

Сейчас, в сквере, Михаила опять придавило тоскливым грузом давней вины. И через много-много тягостных секунд он услышал свой осевший голос:

«Откуда вы это знаете? Что из-за меня...»

«А разве не так? Если бы вас там не было, если бы он не возился с вами, не поехал бы вас провожать...»

Михаил вспомнил, как обмяк с горестным, стыдливym облегчением. Конечно, она ничего не могла знать о гранате. Но облегчение было обманчивым, секундным. Словно расталкивая обвалившиеся на него мешки с сыпучим грузом, Михаил тогда поднялся со стула.

«Я мог бы в свою очередь упрекнуть вас: если бы вы в тот раз на бульваре не кинулись за милицией, не было бы всей этой истории. Но какой смысл обвинять друг друга?.. Я мог бы при желании доказать вам, что мы оба здесь вообще ни при чем и что бандиты выслеживали Толика специально, старательно... Только вас это, конечно, не интересует».

Еле слышно вздохнуло кресло – это поднялась мать Егора.

«По правде говоря, меня интересует, могу ли я жить спокойно?»

«Можете... – медленно сказал Михаил. – Даю вам слово, что Егор от меня ничего не узнает... Могу даже расписку дать».

«Ну при чем тут расписка? Я рада, что вы меня понимаете...»

«Как много раз тут говорилось слово „понимаете“, – печально подумал Михаил. – А где оно, понимание?»

Он опять услышал свой голос:

«Пойду я... Еще раз прошу извинить... Вначале у меня была мысль: можно ведь ничего и не говорить Егору, мы могли бы просто... ну, общаться, что ли. Как друзья... Да какая уж тут дружба, вы будете на меня смотреть как на вечную опасность...»

«Вот видите. Вы же сами судите трезво... И кстати, зачем вам, взрослому человеку, это... общение с мальчиком?»

«С братом... Я вам объяснил. Извините, если непонятно... Брат есть брат, тем более что...» – Михаил запнулся.

«Что?» – нетерпеливо сказала она.

«Егору с братом, наверно, все-таки лучше иметь дело, чем с работниками милиции... Я имею в виду не себя... вообще...»

«Он что-то натворил?» – опять быстро спросила Алина Михаевна.

«Натворил?.. По-моему, пока ничего, кроме того, что вы слышали от директора... По крайней мере, я не знаю... Он достаточно умный парень и не будет шутить с законами открыто. Но в конце концов может и не рассчитать. Сам не влипнет, так дружки втянут».

«Но позвольте... какие дружки? Вы что хотите сказать?»

«Увы, то, что сказал».

«Но... что вы в нем такого увидели? Он не ангел, конечно, но и... Он вполне нормальный мальчик».

«Вполне нормальные не караулят вчетвером одного».

«Но они же мальчишки! Мало ли что бывает...»

«У мальчишек разве не должно быть совести?» – спросил Михаил.

Опять в наушниках возникла шуршащая тишина. И наконец Алина Михаевна произнесла:

«Знаете... молодой человек, на свете все так сложно. Сейчас и взрослые порой готовы съесть вчетвером одного...»

«Боюсь, что эту мысль Егор усвоил уже достаточно крепко...»

Он тогда шагнул в прихожую, ощутив глубокое отвращение к дальнейшему разговору. Слышно было, как шлепнулись на паркет сброшенные с сапог «лапти». Глухо (видимо, уже далеко от микрофонов) мать Егора сказала:

«Я не хотела вас обидеть. Я... обдумую ваши замечания...»

Кажется, Михаил буркнул в ответ «обдумайте» и затем «до свидания». Но это на пленке уже не записалось. Отпечатался только звук закрывшейся двери. А потом – долгая тишина. Пустая и горько-недоуменная – как то ощущение потери, с которым уходил Михаил из этого дома...

Вдруг ударили по ушам дребезжащие аккорды и какой – то кретин завыл на тарзаньем языке: «Бы-улы-улы-а, а, а, а-ха-ха...» Видно, Егор проник в комнату и остановил запись...

Михаил, глядя в сторону, отдал Егору наушники.

– Видишь, – сказал Егор с безмятежной улыбкой. – Никакого разглашения тайны. Я все узнал сам.

«И приехал, – подумал Михаил, отгоняя сомнения и досаду. – Приехал же! Какой бы он ни был, как бы ни ершился и ни вредничал, все равно он – здесь. Примчался...»

– Ты не все узнал, – осторожно сказал Михаил. Он остановил в себе желание взять Егора за плечо и придвинуть к себе. – Про отца-то ничего не знаешь... Про того...

– Вот и расскажи, – отозвался Егор непонятным тоном. – Надеюсь он не был летчик-испытатель?

– Нет... С чего ты взял? И что плохого, если летчик?

– Ничего, кроме вранья. Почему-то сыновьям всегда пудрят мозги. Папа где-нибудь в бегах или в отсидке, а мама историю вяжет: «Он испытывал истребители и героически погиб...»

– Что за чушь ты несешь! Даже из записи ясно, что ничего похожего...

– Да я не про этот случай, а вообще, – буркнул Егор.

– А я «про этот»... Он испытывал не истребители, а подводные аппараты особого назначения, – тяжело сказал Михаил. – Он был их конструктором... А погиб он не при испытаниях, а при стычке с двумя бандитами. В Симферополе... Проводил меня на самолет в аэропорту, сам поехал на вокзал, чтобы электричкой вернуться в Севастополь... А они его, видимо, выслеживали...

Егор не спросил, что за бандиты и зачем выслеживали. Шевельнул ботинком листья и сказал:

– А, правильно. Мать же говорила... Поэтому она и считает, что ты виноват?

– С ее точки зрения, видимо, так, – сумрачно произнес Михаил. – А что она еще говорила?

– Ты разве не всю запись прослушал?

– А... Постой! Ты что же, сам-то с матерью про это не разговаривал?

– Зачем?

– Значит... сразу взял да и сюда приехал?

– Как видишь, не сразу. Воскресенья дождался.

Старательно уходя от его нагло-равнодушного тона, Михаил спросил со сдержанной заботой:

– А меня сразу отыскал?

– Естественно. По той бумажке.

– Слушай, Егор... А дома-то у тебя знают, где ты?

– До вечера не хватятся, а к десяти я приеду. Отсюда в пять часов электричка идет.

– Как в пять?.. А... но это же через два часа!

– Ну и что? До вокзала рукой подать.

– А разве ты... – Михаил совершенно по-дурацки растерялся. – Я думал... Ну, давай хоть на полчаса забежим ко мне!

– Зачем?

– Как зачем? Вообще... С мамой познакомлю. Она же... тетка твоя, сестра отца. Ты не представляешь, как она...

– А зачем? – третий раз спросил Егор и поднял глаза. Спокойные такие глаза. Симпатичный такой паренек Егор Петров.

– Тогда для чего ты приехал? – тихо сказал Михаил.

– Я-то? Уточнить.

– Что именно?

– Как что... Правда ли, что мой папочка – не совсем папочка... Вернее – совсем не папочка.

– И... все?

– А что еще?

– Да-а... – сказал Михаил. И ощутил ту же потерянность, как в конце беседы с Алиной. Егор снисходительно вздохнул:

– Давай уточним и другое. Ты чего хотел? Младшего родственника, которого надо спасать от плохих компаний? Растить из него достойного строителя БАМа и члена оперотряда?

– Дурак ты, – безнадежно сказал Михаил.

– Ну, конечно. Все, кто не приемлют милицейскую мораль, – дураки, – четко произнес Егор.

– А у тебя какая мораль?

– Заканчивай мысль. Скажи, что у меня никакой морали.

– Егор, зачем мы так? – Михаил проговорил это с ощущением, что стучится в дверь, хотя знает, что в запертой комнате никого нет. – Встретились, и будто враги...

– Почему враги? Я к тебе ничего не имею. – Егор встал. – Пойду. Надо еще перекусить до отъезда. Тут какое-то кафе недалеко, с самообслуживанием.

– Постой! – Михаил схватился за соломинку. – Я тебя провожу до вокзала. – И подумал: «Сейчас скажет – зачем?»

Но Егор только молча прошелся глазами по его шинели.

– Ты сиди и обедай, а я заскочу домой, переоденусь, – предложил Михаил. – Это всего полчаса. Надеюсь, не исчезнешь?

– Я не клиент вашего детприемника. Не исчезну.

Интересно, что Егор не возражал, когда Михаил купил билет и сказал, что они поедут вместе. Только пожал плечами:

– Туда и обратно – потеряешь полсутки. Неужели охота?

И вот теперь они сидели в пустом вагоне. И несмотря на все недавние разговоры, Михаил опять думал, что, может быть, не все еще потеряно. Может, приоткроется что-то в этом мальчишке. Если зацепить какую-то струнку, найти нужные слова... Но слов не находилось, и Михаил спросил:

– Пообедал-то нормально?

– Сэнк ю, май сэжанти. В соответствии с режимом.

– Скотина ты все-таки, – вздохнул Михаил (вот тебе и «нужные слова»).

– Еще раз благодарю... А почему ты заявил матери, что я обязательно попаду в милицию? Это был не тот разговор, но хоть какая-то зацепка.

– Объяснить подробно?

– Лучше коротко. Но понятно.

– Постараюсь... Тебе наплевать на людей. Судя по всему – на всех наплевать, кроме своих дружков. А может, и на них...

– Может быть, – вставил Егор.

– Значит, тебе наплевать на законы, по которым люди живут, общаются между собой... Наверно, я коряво выражаюсь...

- Ничего, я улавливаю.
- Ну вот. А раз тебе на них наплевать, ты в любой момент можешь их нарушить.
- Не такой уж я дурак.
- Конечно. Ты знаешь, что нарушать закон – себе дороже. Остап Бендер тоже чтит Уголовный кодекс... Но тебя держит в рамках не совесть, не боязнь кого-то обидеть, а один страх. Точнее, благоразумие (это не так обидно). Когда этот... это благоразумие однажды не срабатывает, когда тебе покажется, что можно действовать безнаказанно, ты и загремишь... На этом все гремят. Не только прирожденные преступники, а вообще эгоисты.
- Так... – Егор сел поудобнее. – Теперь развей мысль, что я эгоист.
- Ты что, сам этого не знал?
- Знал, знал... Ну, давай дальше: как «гремят» эгоисты.
- Такие, как ты? Или вообще?
- Вообще. В мировом масштабе.
- Очень просто! – Михаил почувствовал, что заводится, но подумал: плевать. – Ощущения эгоиста какие? «Я – пуп Земли. Остальные – это мое окружение. Питательная среда, из которой я, чтобы благополучно существовать, должен тянуть соки». И тянет. Жулик тянет из карманов, грабитель «трясет» сберкассы... А есть не жулики и не грабители. Вроде бы... Они благопристойны и даже занимают посты. Но главное для них – не работать, а хапать. Причем часто работают неплохо – чтобы лучше хапать. Чтобы *иметь*... И вот отсюда – приписки к планам, фальшивые премии, махинации с квартирами, машины без очереди...
- Как я понимаю, ты имеешь в виду папочку?
- Твоего? – искренне удивился Михаил. – Вовсе нет. Я даже толком не знаю, кто он... Тебе видней.
- Угу... Ну, а дальше?
- Что? А!.. Дальше – одинаково. Рано или поздно – свидание со следователем. И полная душевная трагедия. Даже если не гремят за проволоку, а просто летят с поста. Потому что без высокой должности и без возможности копить дальше не видят смысла жизни.
- Это ты *мне* обещаешь такое будущее?
- А почему бы и нет... Мальчик с плэйером.
- Ну-ну, поговори теперь о вещизме, – сказал Егор. – О том, что джинсы и магнитофоны – это плохо и что нечего гордиться иностранными наклейками на заднице, это, мол, не орден. И что заграничные штаны такие сопляки, как я, покупают на папины деньги, а не на заработанные. Или химичат на барахолке. А гордиться надо честно заработанным, тогда ощутишь полное счастье. Ага?
- Подкованный товарищ, – скучным голосом вставил Михаил.
- ...И скажи еще, что вообще не в вещах счастье, а в творческом труде на благо человечества. И что вещи – это тьфу, а есть вечные ценности. Например, музыка Моцарта, поэзия Пушкина, красота родных просторов и ощущение этого... своей нужности людям. Это наша Классная Роза вещает на собраниях постоянно. А потом мамы из родительского комитета скидываются для нее по праздникам то на импортную кофточку, то на...
- Не знаю насчет вашей Розы, – устало перебил Михаил. – И насчет твоей нужности людям... Это у кого как получится. Но Пушкин-то действительно есть, от этого никуда не денешься.
- А зачем он нужен? Чтобы цитировать «Я помню чудное мгновенье»? И ахать: какая бессмертная поэзия? А меня вот не трогает это «мгновенье». Сто раз читал – и ничего не шлохнулось. Ну, я понимаю, я не дорос...
- Да ты не до Пушкина не дорос, а вообще до человека... Чтобы эти стихи понимать, надо кого-то любить. По-настоящему.

– Я еще не созрел, – ядовито сказал Егор. – Мама от меня все еще журналы папашины прячет, где девицы в мини-купальниках...

– Я не про то. Я вообще про любовь к человеку. Не обязательно к прекрасной незнакомке. К матери, к другу, к брату...

– Мне одна знаменитость сказала, что я никогда не смогу быть братом. Так что тебе рассчитывать не на что...

Михаил сказал, помолчав:

– И подумал сейчас Егор Петров: «Теперь этот тип гордо ответит – а я и не рассчитываю...» Нет, Егорушка, я рассчитывал. Ошибся. Извини... Любви не научишь.

– Это верно, – откликнулся Егор. – Особенно когда учителей полным-полно, а любить... Кого любить-то? И за что?

– Трудный вопрос... А тебя за что любить?

Егор искренне удивился:

– Меня? А я и... не претендую, так сказать.

– И без того хорошо, да?

– Мне?.. Не знаю, – честно сказал Егор. Потому что рассуждал скорее сам с собой, чем с этим новоявленным братцем-сержантом. – Мне не хорошо и не плохо. Так...

– Вот это уже странно... Плохо ему или хорошо, человек должен знать, – смягчая тон, сказал Михаил.

– А я, представь, не знаю.

– Что так? Раннее разочарование? «Уж не жду от жизни ничего я»?

«А чего я жду, чего хочу?» – подумал Егор и глянул на влажное стекло, за которым совсем потемнело. Он провел по стеклу пальцем, оно скрипнуло.

Правда, чего? Каких радостей в жизни он хочет? Сидеть в компании и балдеть? Но, когда не стало Камы и Шкипа, это потеряло прежний смысл. Из радости превратилось в привычку. Счастьем тут и не пахнет. А что – счастье? Чтобы появился мопед или даже мотоцикл? Но, честно говоря, Кошаку хватает и чужих. Свой-то надоест через неделю, да и возни с ним полно, а к технике нет у Егора Петрова никакого тяготения... Так в чем же радость? Чтобы увидеть, как кто-то боится тебя и делается униженно-покорным? Но это же на несколько минут...

Егор честно перебрал в голове все свои желания, даже самые тайные. Но их исполнение доставило бы лишь короткое удовольствие – как порция мороженого в жаркий день. А какой большой радости он хочет?

Закатиться в какое-нибудь дальнее путешествие, чтобы видеть всякие чудеса?

Егор вдруг вспомнил, как во время плавания по Волге он увидел среди солнечной шири, под очень синим небом и белыми облаками, полузатопленную колокольню. Она подымалась над плесами сказочно и таинственно. Было в этом что-то от прочитанных в раннем детстве волшебных историй – словно обещание загадок и радостных приключений. И Егор повернулся к матери, чтобы сказать: «Смотри, будто парус над океаном, да?»

Но мать говорила с рыхлой крашеной дамой в атласных штанах и отмахнулась: «Не перебивай, Горик, потом...»

И парус увял, а Горик смутно ощутил, догадался в душе, что сказки, красота, открытия – все, что видишь в дальней дороге, – хороши тогда, когда можешь этим поделиться с другими.

А с кем он мог бы отправиться в дорогу теперь? С Копчиком или Валетом? С Курбаши?.. Или с этим вот худым, нудно липнущим к нему двоюродным братцем? Воспитатель с сержантскими лычками! Видели мы таких...

Хмурое отвращение к этому совершенно чужому человеку, который лезет в душу, потрянуло Егора как крупный озноб.

– Тебе что от меня надо-то? – спросил он в упор.

– Да уже ничего, – устало сказал Михаил и отвернулся... – Ничего... Доеду сейчас до Подлунной, там сяду на обратный поезд... В заколоченный дом не достучишься.

– Давно бы так, – буркнул Егор и подумал: «А мне-то сколько еще пилить до дома...»

Зачем его понесло в Среднекамск? Что хотел узнать, в чем убедиться? И так все было ясно. Сорвался куда-то, идиот...

Нет, в самом деле – зачем? Любопытство? Запоздалое злорадство в адрес отца и матери! Или... надежда на что-то необыкновенное? На что? Может, надеялся, что в слове «погиб» какая-то неясность и настоящий отец жив?.. Но если и так, что в жизни изменилось бы? Да и не надеялся он на это, не думал даже... И уж меньше всего хотел заполучить в братья такого вот... казенного правдолюбца.

«А я ведь и не узнал ничего толком, – запоздало спохватился Егор. Но сейчас расспрашивать Михаила было нелепо. – Да и не все ли равно. Пусть...» – Последняя мысль была похожа на усталый зевок. Но несмотря на утомление, злость на Михаила не прошла. А тот вдруг сказал:

– Последний вопрос: я, очевидно, не должен больше напоминать о себе? В родственники не гожусь?

Что-то все же удержало Егора от прямого «да». Он ответил вопросом на вопрос:

– А я тебе разве гожусь? Эгоист, кандидат в тюрьму...

– Егор...

– Да отвяжись ты! – прорвало Егора. – На кой черт ты появился? Не было тебя и пусть не будет!.. Ну чего ты на меня так смотришь?!

– Прощаюсь...

На секунду Егор опешил. Потом разозлился еще больше:

– Даже так? Будто с покойником?

– Да я не с тобой прощаюсь, – выдохнул Михаил. – С тобой-то все ясно...

– Ну, с тобой тоже. Терпеть не могу таких.

– «Терпеть не могу»... А кого ты можешь терпеть? Хоть кого-то на свете любишь?

– Никого, – отрезал Егор. – А таких, как ты, тем более... Хоть ты в болоте тони, пальцем бы не пошевелинул.

– Охотно верю.

– Верить или нет, это твое дело, – со злой тоской и совершенно искренне сказал Егор. – А я правду говорю. Понимаешь, мне *все равно*.

Михаил встал, одернул куртку. Явно хотел уйти подальше от Егора. В этот момент ржаво заверещала и отодвинулась тамбурная дверь. В ней показалась необъятная, набитая зелеными и светлыми бутылками авоська. Ее, прогибаясь от тяжести, вволок в проход между скамьями парень лет восемнадцати – невысокий, в модной бежевой курточке, смуглый, с тонкими усиками. Чем-то похожий на Валета, но повыше. Следом за парнем возникла щетинистая личность в мятой ушанке и замызганном стройбатовском бушлате без погон. Личность обвела медвежьими глазками вагон, остановила их на Михаиле и выговорила:

– Во...

– Погодь, Фатер, – сказал парень, с хрустальным звоном опуская груженую сетку на дрожащий пол. Егор механически отметил, что «фатер» – по-немецки, кажется, «отец», только произносить надо тверже: «Фатэр». Но едва ли мятая личность была отцом парня – ей, несмотря на щетину, немногим за тридцать.

– Чего годить? Во... – Фатер, не спуская глаз с Михаила, шагнул к нему через авоську. – Слышь, кореш, ты докуль едешь?

– А тебе что? – неласково сказал Михаил.

– Ну, ты чё? Я же по-людски к тебе...

– До Подлунной он едет, – подал голос Егор. Не ради этого дядьки, похожего на беглого зэка, а чтобы напомнить Михаилу: не забудь, где хотел сойти.

– В самый тык! – обрадовался Фатер. – Слышь, корешок, нам до Подлунки никак нельзя, обстоятельства, значит... Дай трояк, а стеклотару гребь с собой. В Подлунке-то прямо у станции магазин, там Муська. Знаешь? Она тебе за этот груз полным счетом деньги отвалит, к битым горлам не прискребется, скажешь: от Фатера. Тут на семь рэ, не мене...

– Отвали, приятель, – рассеянно сказал Михаил.

– Ну, ты че? Не мужик, да? Без понятия? У меня в хате дружки чахнут без опохмелки, эту муку ты понять можешь?

Михаил молча отошел, сел подальше – за тремя скамейками, с другой стороны прохода. Спиной ко всем.

Парень, прогнувшись, поднял авоську, водрузил ее на край скамьи, где сидел Егор. Мест ему мало, что ли? Вон сколько скамей... Чтобы он не уселся по соседству, Егор демонстративно повернулся боком, прислонился к стенке у окна, а на сиденье рядом с собой поставил ногу – занято, мол.

Парень шевельнул усиками, улыбнулся и уселся там, где недавно сидел Михаил. Потом подвинулся, давая место Фатеру.

«На теплое тянет», – подумал Егор и закрыл глаза. Было холодно в вагоне, но здесь, в углу, нахохлившись и сунув ладони в рукава, он пригрелся. Колесный стук и дребезжанье стали ровнее, уютнее как-то. В них вплеталось бормотанье. И не сразу Егор понял, что это спорят полусшепотом Фатер и его спутник.

Егор поднял веки.

Фатер хотел встать, парень деревянно улыбался и придерживал его за рукав:

– Фатер, кончай, с грузом ноги не сделаем...

Тот тихо матерился, дышал сквозь зубы:

– Пусти... Фатера он, па-адлюка, не знает...

На Егора лишь сейчас тяжело пахнуло водочным духом. Губы Фатера втянулись внутрь, глазки белели.

Егору стало жутковато. Фатер выговорил тяжело:

– Пусти, Федюня... дружок... Фатера не знает, гад... Я... – Он вдруг поднялся пружинисто и мягко. Правую ладонь опустил в карман, левой властно отодвинул все улыбающегося Федюню, трезво и бесшумно шагнул в проход. Егор шевельнулся. Федюня быстро нагнулся к нему, выбросил вперед руку. Из кулака беззвучно скользнуло светлое лезвие ножа-кнопочника. Егор услышал полусшепот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.